

КАВКАЗ

(LE CAUCASE)

**ОРГАН НЕЗАВИСИМОЙ
НАЦИОНАЛЬНОЙ МЫСЛИ**

L'adresse de l'administration : 10, rue de Plelo, Paris (15^e)

№ 7/55

ИЮЛЬ 1938.

№ 7/55

СО Д Е Р Ж А Н И Е :

Без Москвы,

Сурхай. Кавказ и державы в XIX в.**З. Авалишвили.** Царь Колхиды у Солимана Великолепного.**В. Оленин.** В стране чудес.**А. Кантемир.** Армянский вопрос и Кавказ.**И. Гварамадзе.** Из недавней истории Карсской области.**Т. Елекхоти.** Исторические задачи Кавказа.**Обзор Печати.****Хроника.**

28 июля 1938 г.

БЕЗ МОСКВЫ За последнее время известия с Дальнего Востока не раз сообщали нам об осложнении взаимоотношений между Японией и Советской Россией. Сейчас, по нынешним временам, не надо вообще делать решительных прогнозов: события и настроения очень изменчивы, часто подчиняясь непосредственному субъективному импульсу, а не трезвой логикѣ фактов.

Советская власть, обыкновенно очень покорная и трусливая, когда сталкивается с силой и смелостью, теперь по первому требованию Японии уступать не

захотела. Дело в том, что граница между Россией и Манчжурией никогда не была проведена с полной территориальной точностью, и недавно советский отряд занял, имеющие известное стратегическое значение холмы, которые Япония вправе была считать принадлежащими Манжуко.

Последовал с ее стороны дипломатический протест, не ультимативного характера, но все же выраженный энергично. Вопреки обыкновению Москва сразу не капитулировала, а ссылаясь на какие то карты, стала доказывать, что эти холмы всегда ей принадлежали.

Конечно, повторяем, сейчас самые верные заключения оправдываются да-

леко не всегда, и Москва учитывает, как стратегическую, так и дипломатическую сложность всей обстановки на Дальнем Востоке и возникающие отсюда для Японии трудности. Весьма вероятно, что позиция Москвы подкреплена и кой-какими расчетами на сочувствие держав, враждебных японским успехам на азиатском континенте.

Тем не менее надо думать, что дипломатические столкновения непосредственно сейчас не приведут к столкновению военному. Япония едва ли станет форсировать события, хотя ей все равно приходится быть наготовѣ у советских границ и держать там часть войск для угрозы и противодействия своему беспокойному соседу. Япония не отступила бы перед необходимостью военного столкновения, если бы явился к тому действительно решающий повод, но ей нет расчета из за пограничных споров Манчжуку навязывать себе сейчас открытого врага, которому в той или другой форме могли бы сочувствовать все японские недоброжелатели. Еще и потому Японии нет смысла торопить события, что процесс развала и внутреннего распада в Советской России продолжает идти в прогрессирующем темпе.

Зачем же осложнять свое положение в Китае и жертвовать своими боевыми силами — людьми, запасами снаряжения, денежными средствами, — когда весьма вероятно, через 2-3 года все ее счеты с Россией в Азии будут сведены почти без жертв?

Едва ли, с другой стороны, отважится советская власть сделать слишком вызывающий шаг и перейти в наступление. Москва, как всегда, пробует, ста-

раясь использовать каждый повод для создания международных осложнений, но создавать их с риском лично для себя — вовсе не входит и никогда не входило в московский план завоевания мира. Быть может дальневосточная красная армия в виду своего более ответственного, более опасного приграничного положения и сохранилась в смысле своей боевой ценности в лучшем сравнительно виде, чем части, расположенные в Европе, тем не менее мы имеем постоянные сведения из непреложных, часто советских же источников, о раскрытии гнезда вредителей, о заговорах и расстрелах именно в военной среде Сибири и Дал. Востока. Да, наконец, только что в Японию бежал главный армейский комиссар, "око Сталина", Люшков, и один этот факт, не говоря уж об его разоблачениях, ярко свидетельствует о глубокой разобщенности и роковых беспорядках в руководящих верхах военной дальневосточной власти.

Мы знаем как из сообщений иностранных корреспондентов, так из рассказов некоторых дипломатических представителей и военных агентов, что так называемая чистка командного состава в России продолжается, достигнув в некоторых округах до 90% изъятых офицеров — расстрелянных и сосланных. Все это заменяется, как попало, новичками, не только без специального образования, но почти неграмотными. Институт политических руководителей внес полную дезорганизацию в военное дело, заменив кадровый опыт прислужничеством и взаимной слежкой.

Да наконец, — и логически рассуждая, независимо от всякой информации,

совершенно ясно, что область военной подготовки и действительно высокого боевого потенциала не может представляться каким-то счастливым исключением, на которое почему-то не оказывают никакого влияния общие условия государственного порядка и быта. Страна, которая не в состоянии наладить удовлетворительной работы своей промышленности и аппарата торговли, которая, никем не тревожимая, за долгие годы мирной жизни, не могла до сих пор выбраться из невероятной нищеты, которая не только не улучшила, а в конце расшатала свой железнодорожный транспорт, несмотря на все ударные пятилетки, которая и в социальных мероприятиях и в своей политике, все время переходит от одной глупости к другой, от неудачи к неудаче — такая страна, разумеется, не может среди всего этого хаоса, почему то, вопреки всему окружающему, создать и в неприкосновенности сохранить образцово экипированную, мощную, боеспособную армию. Тоже самое, конечно, должно относиться и к флоту, и к авиации. А “изъятие” таких работников, как в морском деле Орлов и Викторов или строитель аэропланов Туполев еще усугубляет положение. Сейчас советская власть избегает громких процессов, но кровавая чистка продолжается.

Более года назад, после расстрела Тухачевского и других главных командиров, мы говорили в нашем журнале: “Обреченный режим, обреченная страна”. Для нас не было ничего удивительного и необычайного в этой расправе с будущими боевыми вождями, в этом развале армии.

Но для правительств, веривших в

мощь Советской России, для общественного мнения стран готовых обманываться под влиянием лживой пропаганды, — это был неожиданный и внезапный удар, сразу воочию убедивший, что в царстве Советов действительно неблагоприятно, что на помощь России нельзя серьезно рассчитывать при международных осложнениях.

С тех пор внутреннее положение Советов только ухудшилось, — “вредительские процессы”, один удивительнее другого, непрерывно развертывались, министры и сановники дипломатического ведомства погибали или бежали, кровавым террором подавлялось общее недовольство.

И Россия мало по малу потеряла в других странах, самых ей дружественных, весь свой недавний престиж, всякий моральный кредит, который ей так охотно оказывали. Ее вступление в Лигу Наций только ускорило закат Женевского учреждения, — ни Женева не спасла Москву, ни Москва не спасла Женеву, а наоборот, окончательно ее утопила потоками вредного и опасного для всех лживо-пропагандного словоизвержения.

В новых политических комбинациях, теперь возникающих в Европе и ставящих себе реальную цель действительно добиться длительного и серьезного соглашения руководящих держав, Советская Россия уже никакой роли не играет, — она выброшена за борт, как ненужный и опасный груз, и именно в этом условии, знаменующем победу здравого разума и честной морали, победу против коммунистической идеологии, даже без формального присоединения к соответствующему блоку, надо

видеть залог возможного успеха предстоящих соглашений. Москва уже устранена из решающих политических комбинаций, — это огромный шаг вперед, — неизбежно придется сделать и следующий, продиктованный все проявляющимся сознанием: придется понять, что мир Европы не может быть достигнут и обезпечен без разрешения всей восточно - европейской проблемы, в ее целом, без раскрепощения и избавления от московского плена томящихся в нем, духовно и физически истребляемых народов. Культурная Европа, приводя в порядок "свой дом" не может оставить рядом этот зловонный, полный трупов рассадник смертоносных эпидемий.

Интересная подробность. Конференция в Эвиане, которая собралась для оказания помощи эмигрантам из Германии и бывшей Австрии, которая изыскивала страны, куда можно было бы направить этих людей, ни одним словом не обмолвилась по поводу отсутствия Советской России и ни в какие перего-

воры с Москвой не вступала, будто бы Москвы и вовсе нет на свете. А ведь, казалось бы, где, как не в стране воплощенного социализма, столь защищаемой левыми, искать вожделенного приюта изгнанникам фашистского режима? Но, видимо, и этим людям не улыбается перспектива попасть под московскую пяду, и горек черствый хлеб социалистического рая даже для самых закоренелых антифашистов.

Торжественный визит в Париж английской королевской четы и взаимное сближение этих двух стран, укрепляя позицию Чемберлена, шире открывает ему путь для тех реальных переговоров в Европе, которые он все время намечал и сторонником которых, судя по недавней речи, можно считать и французского премьера Даладье. Раз Москва устранена из комбинации, такая инициатива находит, конечно, живой отклик и в Берлине и в Риме. Переговоры, как известно уже начались.

Все это очень знаменательно.

СУРХАЙ,

Кавказ и державы в XIX в.

IV*).

МУСА-ПАША Кундухов прекрасно знакомит нас с обстоятельствами, приведшими к новому возманию в Чечне весной 1840 г. Мемуары его, помещенные в свое время в "Кавказе", представляют собой неоценимый исторический документ, особенно в отношении Чеч-

ни, где автор был одно время начальником края. С другой стороны, свидетельства русских историков в вопросе возобновления с необычайной силой военных действий на Сев. Кавказе, грешат неполнотой и пристрастием.

*) См. «Кавказ» №6-54.

Совершенно понятно, что ни один рус-

ский писатель не позволил себе связывать имя императора Николая I с новой вспышкой негодования среди горцев восточного Кавказа. Между тем оказывается, что царь сам был виновником продолжения войны в Чечне и Дагестане еще в течение 19 лет.

Муса-паша был непосредственным очевидцем поведния императора-самодура на Кавказе во время приезда его туда в 1837 г.

Во время приема делегатов разных горских народов 14 октября во Владикавказ, царь начал без всяких оговорок упрекать "мирных" чеченцев в измене ему и России. Чеченцы ответили жалобой на русское начальство, обвиняя его в нарушении законов и адатов. В этом духе чеченские делегаты подали императору прошение.

Николай I, вместо рассмотрения жалоб, приказал "держаться наименее между горцами терпеливых чеченцев под сильным страхом". Однако, царь жестоко ошибся, ибо чеченцы не проявили никакого желания подчиниться методам управления, применяемым в крепостнической России по отношению к крестьянам, прикрепленным к земле и продаваемым, как вещи, вместе с землей и без земли.

В то время во главе "мирных" чеченцев и расположенных в Чечне русских войск стоял генерал-майор Пулло, который оказался прекрасным учеником своего царя.

Пулло выработал свою собственную систему управления чеченцами. Система эта опиралась на приказание Николая I действовать страхом. Чтобы нагнать страху, Пулло зимой 1838 г. высылал

отряды по "мирным" чеченским аулам под предлогом ловли "непокорных" тавлинцев. Несомненно по Чечне в то время раз'езжали многочисленные агитаторы Шамиля, который еще задолго до падения Ахульго (в 1839 г.), напрягал все усилия, чтобы поднять "мирных" горцев против России.

Неизвестно, много ли наловил Пулло "непокорных" тавлинцев, но не подлежит сомнению, что вместо них больше всего страдали от поведения грубых солдат и казаков чеченские старики, женщины и дети, а также и чеченское имущество.

На все это Пулло смотрел, по свидетельству Мусса-паши, "с зверским равнодушием и, гордясь своими позорными делами, называл жалобы чеченцев клеветой (как называл и Николай).

В следующую зиму (в 1839 г.) Пулло снарядил против чеченцев новый "грабительский поход". На этот раз Пулло применил новый способ грабежа: под предлогом обезоружения чеченцев, потребовал сдачи ему "с каждых десяти дворов по одному ценному ружью, и получивши их, он продавал в свою пользу, покупая на место их дешевые (для счета в арсенал)".

"При этом Пулло низкой грязной хитростью, желая скрыть гнусные меры свои, арестовал нескольких почетных чеченцев, собиравшихся с жалобой на него отправиться в Тифлис".

На этот раз чаша терпения плоскостных чеченцев переполнилась. В марте 1840 г. 28.000 дворов, находившихся под русским управлением восстало. Во время собрания в Урус-Мартане чеченцы постановили поставить во главе Шами-

ля, который, после поражения в Ахуль-го ушел из Аварии в Чечню и пребывал в Шатоевском обществе.

Выбор Шамиля имамом Чечни, уже после того, как Шамиль потерял по крайней мере временно, всякое влияние в Дагестане, указывает на желание чеченцев сохранить последовательность власти. Редкие самоотверженность и благородство проявил в этом случае Ташав-Хаджи, признанный всем чеченским народом за своего предводителя. Этот последний сам рекомендовал чеченцам призвать Шамиля, несмотря на то, что чеченцы упрашивали его самого взять на себя руководство восстанием.

С этого момента Шамиль и Ташав-Хаджи, согласившись между собой получили возможность начать против русских новые военные операции в широких размерах. Во главе с прославившимися впоследствии военачальниками — наибам Ахверды-Магома, Шуаиб и др. — восставшие произвели ряд смелых тактических движений в соседние области и в течение одного только лета подняли против русских весь восточный Кавказ, кроме ханств Шахмальского, Аварского, Казикумухского и Акуша.

В ноябре 1840 г. бежал из русского плена бывший в течение 7 лет правителем Аварии Хаджи-Мурат и перешел к Шамилю. Переход этот увлек за собой и ряд других влиятельных горцев. В числе их находился весьма популярный наиб Кибит-Магома.

С этого времени начинается новое небывалое еще единодушие и согласие среди всех народов восточного Кавказа. Всякие попытки русских властей войти в сношения с Шамилем, или его наибами

кончаются неудачей. Каждый воодушевлен желанием мести за притеснения и борьбы до конца за свободу.

С этого момента Шамиль в течение нескольких последующих лет бил неизменно русские войска, несмотря на то, что император Николай I посылал на Кавказ все новые батальоны и менял своих генералов.

Что же в это время происходило на западном Кавказе?

В Черкессии борьба продолжалась без перерыва. Поддерживала ее морально пропаганда кн. Сефера Зана и друзей Уркварта — Белла, Лонгверта, Стюарта, Найта. Все эти англичане лично побывали в Черкессии и здесь давали народу разные обещания поддержки со стороны Англии и Турции. Черкесы верили англичанам и посылали делегации и письма в Истамбул и Лондон в надежде получить помощь извне.

Русские упорно стремились к завладению новыми стратегическими пунктами на побережье. Действительно, в апреле 1838 г. русский отряд высадился в устье Сочи и после упорных боев с Убыхами, построил там форт (Алексеевский, позднее, Новачинский). В том же году русские, при помощи сильного десанта, под командой ген. Раевского, заняли устье Туапсе, где также устроили форт Вельяминовский. В 1839 г. русские высадились у устья Субаши. Здесь и в двух других пунктах возникли форты Головинский, Лазаревский и Раевский.

Белл, находясь в это время (в мае 1839 г.) в гостях у Убухов, вел среди черкесов пропаганду, уговаривая их производить ночные нападения на русские форты. Англичанин принял даже сам

участие в нападении на форт Новачинский в ночь с 9 на 10 октября.

Таким образом, возможно, что англичанин способствовал своими советами и обещаниями усилению военных действий черкесов против русских.

Действия эти оказались более успешными в следующем, 1840 г.

Интересным является тот факт, что военные операции черкесов в 1839 и 1840 годах совпадают с действиями на восточном Кавказе. Надо полагать, что между обоими фронтами существовала непосредственная связь. Благодаря этому обстоятельству, в Чечне, Дагестане и Черкессии, горцы имели большой военный успех.

В феврале 1840 г. черкесы берут с бою форты Лазаревский и Вельяминовский, в марте — форт Михайловский и в апреле форт Николаевский.

Благодаря этим успехам разгорается отчаянная борьба на целой так называемой Черноморской линии. Этой борьбой руководят члены фамилии Берзевков, а также Мамсур-Супако. Этот последний, о котором не имеем точных данных, стоял во главе 12-тысячного отряда, напавшего в мае на укрепление Абинское.

В рядах войск черкесских боролись, по свидетельству русских источников, и дезертиры поляки. Генерал Граббе доносил по начальству, что согласно сведениям, полученным от лазутчиков, о тяжелом положении форта Лазаревского (эпидемия и голод среди защитников) сообщили горцам эти именно дезертиры. Они же приняли участие в нападении.

Как известно, после восстания в 1831 г.

несколько тысяч поляков было сослано на Кавказ и включено в русскую армию. Многие из них старались дезертировать и в качестве перебежчиков служили в войсках черкесских и у Шамиля. Однако число их было незначительно, так как горцы не умели отличить их от русских и потому не доверяли им.

Русские сумели вернуть в конце этого же года свои форты и снова их укрепить. Но все же война в Черкессии продолжалась без перерыва до 1864 г., т. е. в течение еще 24 лет.

Способствовали этому победы Шамиля в Чечне и Дагестане, а также установление непосредственной связи между Западным и Восточным Кавказом.

Первая попытка Шамиля к утверждению своей власти в Черкессии относится к 1824 г., когда появился там официальный его представитель Хаджи-Мухаммед. Еще до его приезда учение мюридизма успело пустить корни на Западном Кавказе, ибо с тарикатом население его познакомилось еще во времена шейха Мансура, в конце XVIII в.

Деятельность Хаджи-Мухаммеда в Черкессии имела большой успех. К сожалению, умер он два года спустя. Преемником покойного оказался ученый кабардинец Сулейман-эффенди, изменивший впоследствии родине и мюридизму и перешедший на службу к врагу. Русские пользовались его услугами и заставляли его вести в печати пропаганду против Шамиля и тариката. Он, между прочим, опубликовал в 1846 и 1847 годах критику этого учения и политики Шамиля, стараясь оправдать одновременно русский захват Кавказа.

Место ушедшего изменника занял в

1848 г. Мухаммед-Эмин, чеченец по происхождению, человек большого ума, такта и неукротимой энергии, о котором в свое время говорила и писала вся Европа и который продолжал бороться

за независимость Кавказа еще в течение 5 лет после пленения Шамиля.

(Продолжение следует)

Сурхай.

3. АВАЛИШВИЛИ.

Царь Колхиды у Солимана Великолепного

ОЖЬЕ Гислен де Бусбек был одним из образованнейших людей 16-го века. Родом фламандец, притом из местности, позже вошедшей в состав Франции, он мог бы считаться, если угодно, бельгийцем; но Бельгия еще не существовала в его время. Был он видным дипломатом на службе Габсбургов; но, прежде всего, это блестящий представитель европейского Возрождения.

Писания Бусбека — вдумчивого свидетеля многих важных событий в различных странах — ценный источник истории его эпохи. Следует видеть в нем и влиятельного публициста. Например, близкое знакомство с порядками Оттоманской Империи, достигшей как раз тогда высшей степени могущества, дало ему возможность раз'яснить современникам кое что в ее механизме. Многим казались непостижимыми причины неслыханного роста Турции и ее успехов в 15 и 16 столетиях. К причинам этим Бусбек относил, конечно, строгую дисциплину, особенно же порядок назначения на высшие должности преимущественно по заслугам и личным достоинствам, без внимания к происхождению. Порядок этот представлялся полной

противоположностью феодальным пред-
 рассудкам не совсем еще “новой” Европы.

Бусбеку, говорят, Запад обязан знакомством с тюльпанами и сиренью: он первый привез с Востока образчики этих прекрасных растений. Он же преподнес ученому миру Европы подарок: колию известной надписи, с перечнем деяний императора Августа, сохранившейся в Ангоре, нынешней Анкаре. Это так называемый “Ангорский монумент”. Упоминаются в нем и связи Рима с тогдашними народами Кавказа.

Благодаря разносторонней любознательности этого дипломата, сохранился даже сообщенный ему в Константинополе случайными собеседниками список слов германского корня — последний остаток готского языка в Крыму. Кстати, Бусбек владел многими языками, писал же преимущественно на латинском. Писания его в свое время много читались и переводились. Не лишен он был, как видно, и чувства юмора. Когда великий визирь Рустем послал ему как то дыню, приказав сказать, что таких много в Белграде, Бусбек, приняв подарок, ответил, что Венские дыни куда крупнее.

Отношения тогда между империями Оттоманской и Австрийской были натянутые, турецкий Белград всегда угрожал Вене, и под “дынями” здесь разумелись бомбы.

Таков был человек, сообщивший из Константинополя другу своему Николаю Мишо, сеньеру Индевелта, 1 июня 1560 года, (это — третье “турецкое” письмо Бусбека), в числе других политических новостей, о прибытии в оттоманскую столицу “короля Колхов”. Наш автор весь во власти классических воспоминаний. “Король колхов, — пишет он, — владычествует на берегах Фазиса, в углу Эвксинского Понта, недалеко от горы Кавказ. Имя его — Дадиан. Это человек почтенной внешности, властного обличия...” Его сопровождала многочисленная свита.

Упомянув “колхов”, Бусбек спешит пояснить, что “их итальянцы ныне именуют мингрельцами. Это — одно из грузинских — георгианских — племен. К их же числу принадлежат и албанцы, а также иберы”. Очень проницательно, и едва ли не первый в Европе, Бусбек сближает древних иверов с имерами, “имеретинами” новых времен.

Австрийского дипломата заинтриговало, конечно, появление “короля колхов” в центре Оттоманской империи. Вместе с тем, заинтересовала его и Мингрелия. О последней письмо Бусбека дает связный очерк, основанный, как видно, главным образом, на сообщениях итальянских коммерсантов, бывавших в стране. Очерк представляет большой интерес, предвывая больше, чем на столет известное описание Мингрелии, в персидском “Путешествии” Шардена. Однако, остановимся сначала на причи-

нах приезда владетеля Мингрелии в Константинополь.

“В точности неизвестно, пишет Бусбек, почему прибыл Дадиан. Подозревают, что его вызвали турки, потому что, когда они в войне с персами, дружественное расположение тамошних (речь о Грузии) племен может быть им (т. е. туркам) очень полезно”. Впрочем, более распространено и более вероятным является другое объяснение: Дадиан приехал просить помощи галерами против своих соседей, имеретин. Он готов, будто бы, за эту помощь платить дань Султану”.

Сохранились и другие европейские известия о том же. Сообщаются при этом, как впрочем, и в письме Бусбека, некоторые анекдотические подробности,

*) Это соображение имеет больше в виду восточную Грузию. Оно, кстати, подлежит сопоставлению с 4-ым турецким письмом Бусбека, из Франкфурта, от 16 декабря 1562 г., в котором сообщается, что «Солиман неоднократно обращался к грузинам, побуждая их поднять оружие против персидского государя (т. е. шаха Тахмаспа). Они очень благоразумно отвечали, что недостаточно уверены в собственных силах, чтобы осмелиться самим напасть на шаха Тахмаспа. Но пусть только он сам, Солиман, явится со своей армией. Тогда, видя его, они будут знать, что им делать. В этом случае у них окажется достаточно и разума, и мужества».

В то время, к которому относится это сведение, между Турцией и Ираном возник острый конфликт из-за сына Сулеймана, Байезида, укrywшегося в Персии после неудачной борьбы с наследником престола Селимом, Султан требовал выдачи мятежного сына. В конце концов, Тахмасп вынужден был допустить казнь Байезида при собственном своем дворе, рукою специально для того посланных оттоманских вельмож (1561).

на которых нет необходимости останавливаться.

О поездке Левана I Дадиана в Константинополь известно, конечно, и грузинским источникам, причем объясняется эта поездка, как и в сообщении Бусбека, желанием получить помощь против имеретинского царя. Одна из хроник, говоря об успехе этой поездки, прибавляет, что в помощь дадиану были тогда отправлены войска из Эрзерума и Трапезунда.

Таким политическим успехом не мало гордился родной внук того Дадиана, о котором пишет Бусбек, а именно Леван II, наиболее известный и удачливый из властителей Мингрелии (умер в 1657 г.). В надписи на одной, пожертвованной им иконе, он подтверждает, что дед его ездил в Константинополь, и что поездка была очень успешной — он вернулся с торжеством, получив, с Божьею помощью от славного султана девять кораблей, т. е. очевидно, галер, о которых пишет Бусбек. Успех Левана I упоминается также в надписи — все на той же иконе, в одной из многих церквей, посвященных в Западной Грузии архангелам Михаилу и Гавриилу — еще одного, позднейшего дадиана, Вамека.

Для изменчивости политических понятий и оценок характерно, что в середине XIX века предпоследний (автономный) владетель Мингрелии, Давид Дадиани, считал нужным доказывать посетившему его в Зугдидской резиденции Броссе, что Леван I ездил в Константинополь собственно с целью изобличения там своих врагов, и только, а вовсе не за помощью. Последнее его, Давида, как видно, конфузило. Во всем подчиненный России владетель, бледная

ть мингрельских властелинов 16 или 17 века напрасно приписывал им свой собственный взгляд на Турцию, вытекавший из подданства его России.

Но к какому времени относится эта поездка? Броссе, в своей монументальной французской обработке грузинских хроник высказывается за 1569 или около того. От его внимания ускользнуло письмо Бусбека (1560 г.), как ускользнули и вообще более точные европейские свидетельства о том же. На их основании время пребывания Дадиана в Константинополе определяется годами 1557-1560. Во всяком случае, это было в правление султана Солимана Великолепного. (Турки величают его собственно Сулейманом Законодателем — Кануни. Он умер в 1566 г.). Это важно знать, и не только потому что огромным престижем такого султана легко объясняется задуманный дадианом рискованный политический шаг. Еще больше значения имеет близость этого посещения (1557 г.) к исторической дате весьма важной для кавказских стран. Всего за два года до того, 29 мая 1555 г., в анатолийском городке Амазии был заключен между Оттоманской империей и Ираном мир. Ему предшествовал разрушительный поход турок (это был третий и последний поход Солимана против Персии), когда сильно пострадали Эривань, Нахичевань, Карабах (в 1554 г.). Между прочим, именно в Амазии и Бусбек впервые представился султану.

Текст соглашения до нас не дошел, но известно с точностью, что между сторонами довольно безцеремонно были тогда поделены сферы политического влияния на Кавказе. К сфере оттоманской были отнесены земли западной

Грузии, в том числе Мингрелия. Карталия же и Кахетия, а также область Самцхийская, т. е. Ахалцихская, признавались как бы в подчинении Ирану*). Последнее очень существенно. В середине 16 века, в эпоху величайшей мощи Оттоманской империи, она еще не успела утвердить своего влияния в Ахалцихе, т. е. там, где позже, в 17-18 столетиях и до 1828 г., будет важным центром кавказской политики. В середине 16-го столетия, впрочем, и Карс еще не был турецкой крепостью. Прочно обосновались там турки лишь в 1579 г., когда при Мурате III началось сооружение знаменитой крепости. До того, как там, так и в Ахалцихе политическое влияние Ирана ставило еще серьезную преграду турецкому продвижению. А местная династия грузинских атабегов, не так давно правившая от Боржомского ущелья до нижнего Чороха, но перед тем потерявшая и владения по Чороху, и Ардаган, захваченные турками, колебалась между двумя склонностями, турецкой и персидской. Без колебаний отвергала эта, как впрочем, и другие местные династии Грузии одно: такое усиление центральной общегрузинской власти, или хотя бы одного из ее разветвлений, западного в Кутаисе или восточного в Тифлисе, при котором под вопросом оказалось бы независимое существование этих отдельных владений: Самцхийского, Мингрелии, Гурии.

Достаточно указать на эти общие условия, в которых развивались политические антагонизмы того времени по линии соприкосновения Оттоманской

империи с грузинскими владениями, чтобы оценить мотивы, приведшие Левана I Мингрельского в Константинополь. Но было бы ошибочно думать, что приезд этот не представлял большого интереса и для Турции. Напротив. В те годы она старалась укрепиться в Гонии, недалеко от устья Чороха, после того, как попытке утвердиться в Батуме оказал временное сопротивление владетель Гурии. Поддерживая Мингрелию против Имеретии, Турция, очевидно, парализовала часть сил, способных с нею бороться в тех краях, где она не установила еще прочной границы. Повод и основание к ее исправлению дадут дальнейшие войны с Персией, которые не за горами. Мир 1555 г. будет простым перемирием.

Как мы сказали, в письме Бусбека сообщаются разные данные о Мингрелии, собранные им в оттоманской столице. Рассказывает он об известном из грузинской хроники факте вероломного захвата в плен имеретинским царем (Баграгом III) Левана Дадяна, прибавляя, однако, некоторые подробности. По Бусбеку, при устроенном по поводу одного их примирения — они вечно враждовали — весьма неумеренном возмнении вина, охмелевшего владетеля лишили свободы и посадили в башню (в колокольню Гелатского монастыря, по грузинским свидетельствам). Интересно при этом сообщение о попытке мингрельского ополчения, под начальством жены дадиана, храброй наездницы, освободить пленника. Собрана была немалая сила, тысяч в тридцать. Масса была вооружена лишь луками да стрелами; были и с дубинами, но все, кто поважнее, имели кольчуги, сабли и копыя. С

*) Подчинялись ли все эти владения восточным империям, в действительности — когда и в какой степени, это вопрос особый.

изумлением отмечает Бусбек в этой армии и отряд мушкетеров, т. е. стрельцов. Имеретины же располагали и артиллерией, благодаря которой нападавшие всякий раз вынуждались к отступлению. В заключение дадиану удалось бежать и вернуться с торжеством к себе. (По грузинским сведениям ему помогли освободиться). Впрочем, этот эпизод прямого отношения к приезду дадиана в Стамбул не имел. Приезд этот достаточно объясняется желанием обезопасить себя от подчинения имеретинскому царю. Этим можно здесь ограничиться, не вдаваясь в подробности.

Общий очерк Мингрелии составлен Бусбеком на основании слышанного им от лиц, там бывавших. Интересны и сообщаемые им сведения, и собственные его замечания. Воздается хвала плодородию страны, всем изобильной, кроме пшеницы и ячменя. **Гоми***) дает поразительный урожай, и народ не желает лучшего питания. Процветает виноградарство: лозы пущены по деревьям. Вследствие этого, изобилие хорошего вина. Благодаря пчелам в лесах, много воска и меда. О дичи нечего и говорить: страна полна фазанов и куропаток.

Сам сын Фландрии, одной из передовых в смысле хозяйственного развития стран Европы, Бусбек с любопытством останавливается на ничтожной роли денег в экономике Мингрелии. Он готов даже видеть в этом счастье ее обитателей. "Отсутствие денег, — говорит он, — означает отсутствие главного побуждения к преступлениям". Не один Бусбек морализировал в этом роде относительно пагубного значения денег! Однако, он тут же прибавляет: сомне-

ваюсь, чтобы многие из наших друзей дома жаждали этого блаженства (т. е. отсутствия денег). Ведь не будь денег, нельзя было бы и обогащаться.

Впрочем, благодаря торговле, в стране остается некоторое количество серебра, и им там очень дорожат. Почему? Потому, — поясняет наш автор, — что его охотно жертвуют церквям, превращая в кресты, чаши и другие церковные украшения или принадлежности. Все эти вещи владетель сплавляет, когда требуется для своих надобностей. — Разумеется, из этой интересной философии церковного серебра можно делать различные выводы.

Преобладающая форма торговли — меновая. Подати уплачиваются в натуре, благодаря чему дворец дадиана является как бы обширным общественным магазином, складом различных продуктов. Всем этим добром владетель распоряжается с щедростью, уделяя отсюда нуждающимся, пострадавшим от неурожая и т. д. Притом, он имеет полную возможность из запасов своих кормить, поить, одевать, вообще, содержать свой двор, челядь, сторонников. — И эти замечания не лишены, конечно интереса.

Имеется в описании Бусбека и тирада о распущенности нравов, объясняемой по его мнению легкостью жизни и обилием пищи, делается обычный упрек в лени и т. д. Описано пиршество-банкет во дворце, куда гостеприимно зовут даже любого заезжего купца. На пиршествах этих наблюдается разгул. Не мало там Медей, ждущих своих Язонов. (Подумаешь, как страшно!). Впрочем, в лесах, в тени деревьев, и простые люди часто "проводят время" с вином, пля-

*) Особый сорт проса.

сками, пением. Дается описание "чонгур"-а, упоминаются песни любовные и героические*). Вообще в описании этом критик-моралист не раз впадает в тон, можно сказать, буколический.

Интересны также передаваемые Бусбеком наблюдения о культе св. Георгия, об особом почитании его икон.

В заключение наш дипломат сообщает о вызывавшем много росказней подарке, поднесенном дадианом Сулейману — тарелке, вырезанной будто бы из цельного рубина, притом, такого блеска, что хоть дорогу освещай ночью! Так, по крайней мере, гласила городская молва. Более же спокойные и сведущие лица полагали, что удивительная тарелка или патена выточена из граната, т. е. камня ценного, но не драгоценного. И еще подарок: двадцать белых соколов особой породы. Такие водятся в Мингрелии...

Взятое в целом, описание Бусбека при всем своем схематизме и допускаемых упрощениях имеет большое значение уже по времени своего составления, а именно, в эпоху окончательного упрочения в Грузии режима отдельных царств и княжеств, но до установления более тесной зависимости Мингрелии и вообще Западной Грузии от Османской Империи, в свою очередь прибли-

*) По утверждению Бусбекова информатора, в песнях этих часто слышно имя Роланда. Конечно, замечает Бусбек, имя это проникло на Восток вместе с Готфридом Бульонским, т. е. во время крестовых походов. По этому поводу можно припомнить, что грузинский историк-панегрист Тамары говорит о песнях, распевавшихся в честь этой царицы моряками-франками, т. е. итальянцами, посещавшими берега Грузии. Мингрельские песни о Роланде(?) были бы, пожалуй, ответной любезностью грузин.

жавшейся к началу упадка. В этом отношении сопоставление очерка Бусбека с описанием Шардена, посетившего Мингрелию в 1672 г. было бы очень поучительным.

Вообще, со времени кавказских наблюдений венецианца Контарини, в 15 веке и с быстрым ростом просвещения в странах европейского Запада, сравнительная отсталость стран, расположенных между морями Черным и Каспийским, все резче отмечается заезжими путешественниками, образованными на новый европейский лад. Приморской Мингрелии, служившей как бы входной дверью в Грузию, при этом как то особенно не повезло. Благодаря, например, литературному успеху Шарденовского "Путешествия", такой французский писатель, как Лабрюйер мог предполагать имя Мингрелии знакомым своему читателю, знакомым притом по некоторым, допущенным Шарденом преувеличениям, с неблагоприятной стороны. В знаменитых "Характерах или нравах сего века", в главе о "Городе" (разумеется Париж) Лабрюйер иронизирует над принятым в обществе обычаем, по которому новобрачная остается в постели первые дни после свадьбы, и в таком виде принимает друзей обоого пола. Не хватает, замечает автор, лишь одного: вычитать нечто подобное этому удивительному обычаю в какойнибудь реляции о Мингрелии! (прибавлено в 4-ом изд. "Характеров", 1689 .).

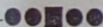
Влиянием, опять таки, писаний Шардена и других, сообщавших о вывозе из Мингрелии большого количества невольников для продажи на рынках Турции, объясняется размышление Монтескье в его "Духе Законов" (кн. 21. О законах в

их отношениях к торговле. Гл. 5): "...Взгляните теперь на Колхиду. Она представляет из себя обширный лес, не более, и население убывает там с каждым днем. Оно защищает свою свободу лишь для того, чтобы продавать себя в розницу туркам и персам! Вы никогда не скажете, что эта страна, во времена римлян, была полна городов, и что торговля звала туда все нации мира. В самой стране ничто об этом не напоминает. Лишь у Плиния и Страбона сохранились следы этого прошлого" и т.д. (1748 год).

Действительность, надо думать, была не столь драматична. Леса, пожалуй, оказались для Мингрелии благодетельным покровом. Участь ея была бы еще хуже, без их непроходимости. Многое из своеобразного и первобытного, что так бросалось в глаза сторонним наблюдателям и так мало вязалось с их собственными навыками или предрассудками, являлось, в сущности, выражением не в

Мингрелии только, но и вообще в Грузии, да и в других частях Кавказа, особой этнической стихии, способной упорно сопротивляться извне навязываемому укладу жизни и накапливать энергии для дальнейшего существования и дальнейшего сопротивления. Много при этом бывало и неожиданного. Например, путешественниками давно было отмечено обилие и отличное качество двух продуктов народного хозяйства Мингрелии, очень важных в ее обиходе, а именно, вина и свинины, т. е. как раз того, что запрещено мусульманским законом. И вот, в 17-ом столетии один опытный наблюдатель полагал, что благодаря этим именно основным "благам" не могла осуществиться исламизация страны, лежавшая, если не в природе вещей, то в природе политики того времени. Этим соображением не следует пренебрегать. Но оно — на границе социологии и парадоксов.

3. Авалишвили.

В. ОЛЕНИН.

„В стране чудес“

КОНЕЧНО, и политически, и в бытовом отношении советская Россия не похожа ни на одно другое государство, и даже можно сказать — ни на что вообще не похожа. Как бы ни относиться снисходительно к необычности некоторых фактов, но все же нельзя не признать, что это систематическое бггство всяких сановников, их отказ от

своей страны — представляет собою явление по меньшей мере оригинальное и незаурядное. Можно было очень удивиться и даже ужаснуться тому, когда замѣститель парижского советского посла Беседовский удрал, как школьник, из здания посольства, ища приюта за его чертою. Но с тех пор появилась целая многолюдная категория так назы-

ваемых “невозвращенцев” — вчера еще дипломатических сановников, сегодня вынужденных эмигрантов, врагов и обличителей Москвы.

Казалось бы, одного этого явления уже достаточно, чтобы не принимать всерьез советской государственности, чтобы ясно видеть всю нелепость, непрочность и неуравновешенность существующего там строя и его порядков. А главное — этот процесс все продолжается, и идет, усиливаясь, — недавно еще сбежал в Японию какой то Генрих Люшков или Лушков — один из главных сановников и руководителей на советском Дальнем Востоке и, так сказать, главный контролер дальневосточной армии. Ведь какой это был бы мировой скандал, случись где нибудь в другой стране, не у большевиков. Но тут мы ко всему привыкли.

Действительно, это страна совсем особая, на общемировую обычную оценку в полном смысле слова — “страна чудес”. Штрихи ее повседневного быта столь необычайны, если даже вскользь за ними следить по их же советским газетам, что, право, производят впечатление какой то выдумки юмориста, — забываешь, как трагически расплачивается несчастный советский гражданин за все эти поистине комические эпизоды своей подневольной многострадальной жизни. Можно было бы наполнить несколько томов этими анекдотическими пересказами газетных сообщений, чтобы дать более или менее реальную картину всех невероятностей, из которых состоит этот трагикомический советский быт.

Не претендуя на полное его освещение, мы вырываем сейчас лишь несколько случайных моментов, запавших в па-

мять, остановивших внимание. Быть может западут они и в память читателя и пригодятся, конечно, для дальнейших окончательных выводов к будущему.

Вот, например, из истории столь важного “жилищного вопроса”, вокруг которого, как вечной “злобы дня”, идет постоянная перебранка. Ведь “жилплощадь”, т. е. право на “свой угол” почти в буквальном смысле слова, — это одна из самых важных, неразрешенных и неразрешимых проблем осуществленного в советской стране “социализма”. Частного строительства нет, — поэтому квартиры должно предоставить государство. Но дома таковы, что жить в них нельзя. Почему?

В “Красной газете” архитектор Симонов авторитетно разъясняет, что постройки, возведенные лет 5-6 назад, были результатом “левацких загибов” — от строителей требовалось воплощение коммунистического быта — без помещений для детей, без “индивидуальных кухонь”, вообще “без приспособлений для семейной жизни” (интересное определение!). Теперь эти дома нуждаются в полной переделке, чтобы стать обитаемыми.

Но вслед за тем наступил другой период, сообразно новым настроениям собственности и наживы. Впали в противоположную крайность, в другой “загиб”. Стали строить дома, квартиры которых годятся только для богатых, — разъясняет далее Симонов, — для привилегированных, для “ударников”: 3-4 комнаты со всеми удобствами. Но эта по советским понятиям изысканная рос-

кошь себя не оправдала. Соответствующих жильцов почти не оказалось. В квартиры приходится вселять 5-6 отдельных семейств: беспорядок, неурядицы, ссоры и драки, общее недовольство. Необходимо квартиры переделывать.

Додумались, наконец, до того, что впредь надо строить дома, сдаваемые по комнате с кухней. Тонкая штука. Но тут произошла "ошибка планирования" — стены построили, а все необходимые принадлежности, начиная с дверей и рам, соответственно в планах еще не предусмотрели: появились здания, в которые пока нет никакой возможности "вселиться". Роковая проблема "жилплощади" остается неразрешенной. Впрочем, в "отечестве социализма" все вообще проблемы становятся роковыми.

Вот, например, история с "домработницами", относящаяся к тому же жилищному вопросу, о чем говорит "Социалистическая законность" (есть и такой печатный орган). Гражданину теперь разрешено нанимать "рабочую силу" для личных услуг и отводить ей жилое помещение в своей квартире. Так эта самая "рабочая сила", в лице расторопной домработницы, завладевает отведенной ей "жилплощадью", не оказывая никаких услуг, и даже, при случае, если на нее жалуются, вступает в тяжбу со своими, в сущности, хозяевами, так что при советских порядках, оказывается, сам черт не разберет, кто у кого в конце концов служит и кто незаконно завладел "жилплощадью". Вопрос решается соотношением сил в каждом отдельном случае: кто ближе к данным органам власти, какая именно сила — хозяйская или рабочая. От этого зависит решение.

Впрочем, советское равенство всегда таково. В принципе все граждане равны друг другу во всех отношениях, это одинаково — товарищи. Но на самом деле жизнь давно уже опрокинула этот абсурдный принцип тем, что в каждом данном случае все зависит от положения, веса, влияния, связей того или другого из граждан: один почет товарищу-чернорабочему, другой почет товарищу-комиссару.

Фактически неравенство сказывается во всем, даже в таких областях, где плата, казалось бы, должна уравнивать положение. Какую бы бурю негодования подняли г.г. социалисты в буржуазных странах, если бы в ресторане "при-фикс" посетителям незнатным подавали плохое меню, а представителям власти или лицам вообще известным и избранным другое меню, дорогое и изысканное. Но в советской России так, — об этом говорит, обличая, сама "Правда". Оказывается, в Москве в посещаемых общественных столовых обыкновенный обыватель получает рубленую котлету почти без мяса, а "ответственный работник", т. е. человек с положением, — прекрасный сочный ромштекс за ту же цену.

Другой эпизод. "Ответственные работники" Крымской республики облюбовали помещение сейсмической станции в Ялте. Это здание им так понравилось, что они "вселились" в него несколькими семействами, разобрав по комнатам. Научные сотрудники станции протестуют, но как бороться с представителями власти? Борьба нелегкая и во всяком случае продолжительная. Им от-

вечают вопросом: "А не угодно ли для своих научных занятий переселиться в тюрьму?". Работа станции прервалась, и даже вмешательство и ходатайства президента Академии Наук Комарова безрезультатны.

* * *

Беспорядок всюду полный.

Огромнейшая страна, охватившая значительные части двух континентов, нуждается решительно во всем. В лавках и на рынках нельзя, например, достать такого необходимого и простого продукта, как соль, имеющегося в неисчерпаемом изобилии в безграничных юго-восточных районах. Но дело в том, что "госторги" и кооперативы отказываются брать этот товар, считая его невыгодным — не стоит тратиться на доставку, развеску, — на нем не заработаешь. И вот на юге России образовались на станциях целые пожелтевшие уже горы, выброшенные из вагонов, грузившихся на местах оптовых складов.

В Москве также нет молока. Совсем нет. Почему?

"Правда" занялась расследованием.

Молоко, оказывается, приходит по утрам, иногда многими вагонами, и все молочные продукты тоже, — сметана, творог, масло. Но в старых дырявых бидонах они окончательно скисают и текут на вокзалах, ибо организовано дело так, что весь день бидоны преют под солнцем, потому что отсутствуют "средства дальнейшего распределения". "Правда" этого не говорит, но причина совершенно ясна: молоко и его продукты достаются даром, как натуральная повинность колхозов, — кого же безпо-

коят убытки? Пусть себе пропадает!

Исчезли во многих местах спички. "Известия" сообщают, что, например, в Воронежской области, т. е. в самом центре страны, в районе промышленной жизни, спичек почему то нет вовсе. Еле-еле удастся иногда привезти из соседних больших городов, как драгоценность, одну-две коробки. Причины пока точно невыяснены, но такое же положение, добавляет газета, создалось уже с солью, мылом, сахаром, да и некоторыми другими товарами.

А вот еще забавная страничка о музыкальных инструментах. В "Вечерней Москве" советские музыканты жалуются на невозможность устраивать концерты, потому что советская продукция такова, что можно пользоваться лишь старыми дореволюционными инструментами. Каждая фабрика работает по своему и настраивает как попало. Во всесоюзном комитете по делам искусств уже были специальные совещания: как бороться с этим "стихийным бедствием"? Выработана точная формула количества звуковых колебаний для нормального камертона. Но в результате даже хоровое пение удастся лишь тогда, если у регента уцелел старый дореволюционно-монархический камертон. А новые не годятся.

* * *

Немудрено. При существующем в стране культурном уровне, при проникающих даже в советскую печать условиях школьного образования всех категорий, при обычных нравах советской повседневности, начиная с начальствующих лиц, дающих тон в провинции, т. е. с основного фона картины.

Что уж говорить о грязи, нищенских условиях жизни, о распущенности и хулиганстве. Все это повторения в сотый раз. Ученики бегут даже из московских общежитий, где “стало хуже, чем в бараках землекопов”, — признает “Советская Юстиция”, очевидно полагая, что землекопам самой природой полагается жить по-свински. (Впрочем, например, в Вестфалии, и свиньи живут недурно, можно сказать — по-человечески, лучше иных людей советских).

Но что делается в школах сельских! Об этом, между прочим, повествует “Учительская Газета”. Некоторые из них помещаются в бывших церквях, не отапливаемых зимою и с выбитыми стеклами. “Ценные пособия”, т. е. лупу, термометр и десяток книг (школьную библиотеку) учитель держит на дому, чтоб не раскрали, — был микроскоп, но когда открыли футляр, там нашли вместо аппарата “мышинное гнездо”. Некоторые школы помещаются в одной маленькой комнатке, где занимаются все четыре класса в две смены — по два одновременно. Но самое большое зло, — продолжает та же газета уже в других номерах от нынешнего июня, — это ученики - хулиганы, с которыми нет возможности совладать, так что учителя их видимо по тем или другим причинам боятся. Например, ученик Шологов, “ругаясь площадной бранью, срывает уроки, истязает ребят и даже бьет учителей”. Ученик Матросов — профессиональный вор, а ученик Юрнук “имеет 23 привода в милицию за хулиганство и кражи”. Но с такими заслуженными учениками считаются даже в милиции и поскорее их отпускают.

Учебников подходящих нет. Старые,

где они остались, не годятся, потому что — или “левацкие загибы” или “правые уклоны”, а новых еще ненапечатали. “Наркомы” просвещения сменяют друг друга, прежних работников разоблачают и “снимают”, а новые кадры не сформированы. Заведует на всю страну печатанием учебников товарищ Надеждин, недавно назначенный, который заявляет, что нет бумаги, да и что, вообще, он пока не вошел в курс дела: “дайте же мне время — все эти гранки, шрифты, и всякие сорта бумаги — пока для меня китайская грамота”...

А между тем “Советская Юстиция” кричит о необходимости дать стране побольше юристов с высшим образованием и обучать студентов “юридической латыни”, к которой они совсем не подготовлены. Какая уж там латынь! Юридическая, медицинская или литературная! Люди не знают не то, что грамоты — латинской или китайской, но и вообще ровно ничего не знают, перед каждым вопросом становясь втупик.

* * *

В одной рисовальной студии ученики срисовывали обнаженного человека.

“Это что такое?”, — заявил, входя, секретарь “райкома” Самохвалов: “чем вы заняты?”, и приблизившись к натурщику, потребовал: “слазы!”. Ему стали объяснять, что это необходимая для рисования модель, что они изучают человеческое сложение, что еще древние греки и т. д. Сослались на существующую программу. “Пакость”, объявил Самохвалов: “рисуйте его в шубе”. Вопрос этот пошел в порядке обсуждения по инстанциям, но все же рисовальные сеансы нагого тела были прекращены.

Два с половиной месяца тянулось дело комсомолки Гафаровой, которая явилась на какое то торжество в прекрасных лайковых перчатках. Ей пришлось доказывать, что она действительно пролетарского происхождения, что получила перчатки не из за границы, а от своей матери, хранившей эту реликвию, которая ей была еще до революции подарена мужем, купившим перчатки на ярмарке. Свидетельские показания подтвердили правильность объяснений, и Гафаровой разрешено впредь носить эти перчатки.

В центральном комитете комсомола специально обсуждался вопрос, возбужденный пионерскими организациями, имеют ли право пионеры есть в своей семье куличи и пасхи. Дебаты были очень жарки, и новым понятиям сделана уступка: пионер может есть с родителями пасхальные яства, но он обязан отказаться по их поручению итти освящать их в церкви. За этим предлагает-ся строго следить.

Шесть месяцев тянулось следствие по делу студента медицинского факультета Гороха, совершившего следующее преступление. Он открыто заявил, что фантазия двигает науку вперед и что она нужна не только романистам и поэтам, но также естествоиспытателям и медикам. На эту ересь донесли: студент, мол, Горох живет понятиями царя Гороха, а теперь после Маркса, Энгельса, Ленина и при Сталине — все уже точно известно, прописано в книжках, и фантазия более не нужна. Дело это тоже пошло по инстанциям, никто не решался окончательно высказаться, пока, наконец, не пришла из Москвы краткая резолюция: обвинение против студента Гороха возбуждено без необходимых

законных оснований. Вот какими вопросами непрестанно завалены организации комсомола.

Но что говорить о молодежи, об учащихся, когда сами учителя не знают, как быть, в каком направлении раз'яснять и преподавать науку, чтобы не угодить в "диверсанты" и "вредители". — "Учительская газета" беспомощно бьется, раз'ясняя правильную линию астрономии. Надо к ней подходить так, чтобы не создалось у слушателей впечатления, что существует какой то разумный план мироздания, откуда "попы приведут прямо к Богу". Надо всячески убивать возможность каких либо религиозных представлений, и с этой точки зрения равно опасно настаивать как на конечности вселенной во времени и в пространстве, так и на ее бесконечности. В колебании между Эвклидом и Эйнштейном бедные советские математики и астрономы должны, конечно, ориентироваться на Сталина, но он, к сожалению, на эти темы еще не высказывался и по марксистски загадок вселенной не раз'яснил.

Тут уж окончательно никто ничего разобрать не может — ни авторы всех этих писаний, ни читатели. Советская действительность напоминает в полном смысле слова дом умалишенных, где вся жизнь состоит из нелепостей какого то чудовищного бреда или кошмара.

Неудивительно, что самые благожелательные к советской России страны постепенно от нее отходят, начиная понимать, что нельзя ее брать в расчёт при решении действительно серьезных проблем международной жизни и политики.

В. Оленин.

А. КАНТЕМИР.

Армянский вопрос и Кавказ

САМОЙ трудной частью кавказской проблемы надо считать армянский вопрос, имеющий свою несколько обособленную историю и тенденцию образовывать государство не только на Кавказе, но и на землях лежащих вне пределов последнего.

В такой спорной и противоречивой форме ни один другой кавказский народ не выступает пред миром в защиту своих национальных прав. Отсюда — двойственность и неопределенность, доминирующие в армянском политическом поведении. Отсюда — впечатление полного отсутствия на знамени армянских стремлений кавказских цветов, находящее подтверждение также в уклонении армян от сотрудничества с той или иной кавказской организацией. Давно существует тупик дуализма, в котором топчется армянская политическая мысль, все не могущая решить вопроса о том: кавказцы ли армяне, или не кавказцы? И этот тупик одновременно тяжелым камнем лежит поперек кавказского освободительного движения.

Армянский вопрос, как бы сами армяне не сторонились кавказцев, как бы им не были чужды кавказские стремления, самым чувствительным образом затрагивает, как часть целого, жизненные интересы всего остального Кавказа и следовательно является вопросом общекавказским.

Часто бывает легко установить причины какого нибудь губительного явления,

но гораздо труднее принять решение, пресекающее в корне это явление. Страдания армянского народа относятся к этому порядку фактов, и никакое чудо, никакие внешние события, как бы они не казались благоприятными, не помогут горю, покуда руководители армянского народа не найдут в себе силу воли занять ясную, определенную и разумную позицию в отношении окружающего мира.

Старая история армянского народа, когда то жившего своею государственною жизнью, а потом оказавшегося разделенным между тремя империями — Турцией, Ираном и Россией — общеизвестна, как известно и то, что это положение, неудовлетворявшее армян, продолжалось почти без перемен включительно до мировой войны. Надо отдать справедливость, что армяне, имевшие во всех трех империях достаточно сильную экономически буржуазию и соответственно этому многочисленную интеллигенцию, встретили гром войны во всеоружии, как наиболее подготовленный из всех подвластных народов.

Еще задолго до Сараевского выстрела, настроениями и чувствами армянского народа завладела партия "Дашнакцутюн", которая, изображая государство в государствах, повелевала судьбами своего народа, как хотела. К ее услугам были огромные материальные средства и Эчмиадзин — духовный и мо-

ральный центр к которому тяготеют все армяне.

Партия располагала всем и, казалось, успех ей был обеспечен последующими событиями, потрясшими до основания существовавший порядок.

В армянской неудаче не повинны: ни отсутствие пропаганды — она была проделана на всех материках, — ни международная конъюнктура, которая была необыкновенно благоприятна, ни недостаток внимания со стороны международного общественного мнения — давшего свои симпатии многострадальному армянскому народу.

В чем же причина безконечной драмы, наполняющей пессимизмом сердца и прежде всего армянские?

Конечно, в географии — в факте расплывленного рассеяния армян на огромных пространствах трех империй, с которыми не хотят считаться руководители армянской политики.

Наиболее компактную массу армяне представляли в России, собственной Армении, оказавшейся в результате многочисленных войн с Турцией и Ираном присоединенной к русской короне.

Народ жил и развивался в трех государствах, в трех различных условиях, накладывавших свой отпечаток на части когда то целого. Русский армянин, персидский армянин и турецкий армянин — разобщенные временем, пространством и, если угодно, бытом, потеряли связь между собой, и каждый из них жил по своему, зачастую достигая высоких ступеней государственной службы в стране, куда он был примежеван волей судьбы.

Внешнее сходство с участью Польши, тоже испытавшей горечь раздельно-

го существования между тремя империями не совсем применимо к армянскому случаю, т. к. 30-миллионный польский народ составлял компактные массы во всех трех частях, немногочисленный же армянский народ сплошное большинство представлял лишь в собственной Армении — России.

Это обстоятельство и факт нахождения Эчмиадзина — армянского духовного центра в России — вложили душу и волю армянского народа, или вернее руководящей партии “Дашнакцутюн” в руки петербургского правительства, недобросовестно пользовавшегося верноподданническими чувствами не только своих армян, но и соседних стран.

Коварный план русского империализма возбудил в сердцах иллюзорные надежды о Великой Армении, благодаря чему силы и средства Армении были брошены против Турции с целью завладения проливами и Киликией — открывавшими перспективу господства на Средиземном море. Однако, когда успех русского оружия обозначился настолько, что обещания, данные армянскому народу могли быть реализованы, царское правительство выставило циничную формулу: “Армения без армян”.

Казалось бы, этот жестокий обман должен был продиктовать армянам иное отношение к России, проще говоря, повернуть ее оружие против последней, тем более, что вскоре представился необыкновенный случай. Разразилась на всем пространстве необъятной России революция, преподнесшая миру большевицкую анархию и Брест-Литовский договор.

Увы! Любовь к России оказалась сильнее гнева... Брест-Литовский дого-

вор не был использован, — наоборот, был отвергнут и опротестован с оружием в руках дашнаками и меньшевиками, заправлявшими в то время местным сеймом Закавказья, формально не способным к международным актам. Армяне и грузины в лице Хатисова, Церетели, Жордания и др. с трибуны сейма в пламенных речах высказались за продолжение войны с Турцией, при чем война имела целью якобы сохранение государственной границы 1914 г. и автономии Армении “в руках турецкой государственности” — теза защищавшаяся на Трапезундской конференции.

На деле же это было повторением Керенщины с ориентацией на российскую “демократию”, кстати сказать, никогда не существовавшую в натуре.

Война продолжалась недолго. После нескольких стычек Оттоманская армия завладела территорией, уступленной ей по Брест-Литовскому договору большевицкой Россией.

Закавказский сейм распался. На его месте образовались независимые республики Азербайджан, Армения, Грузия, причем руководящие партии последних двух сторон — меньшевики и дашнаки, прокламировали свою независимость “вооруженно”.

Оттоманское правительство, сочувствовавшее этому акту, отнеслось к молодым республикам с уважением и оставило движение своих войск.

Наступили дни Батумской конференции и период некоторого отрезвления умов.

Армяне, в числе других кавказцев, заключили в Батуме “договор дружбы” с Турцией, скрепленный Хатисовым, торжественной декларацией, проникнутой

мужеством, государственным тактом и пониманием реального положения вещей*). Армения самоопределилась, как Кавказское государство.

Положения, изложенные в этой декларации, которые мы находим в стамбульской газете того времени (“Тесфири Эфкяр” 29.У1.1918 г.), к сожалению, оказались пустыми словами, не имевшими никакого влияния на последующую политику партии “Дашнакцутюн”.

Поражение центральных держав в мировой войне, в том числе и Оттоманского правительства, и мирные договоры, к подписанию коих были привлечены армянские представители (Агароньян подписал Севрский договор), вновь увлекли армянскую мысль в область мечтаний о “двуединой” Армении.

Энергичная пропаганда с одной стороны и развал Оттоманской империи с другой — создали в умах вершителей судеб мира вполне благоприятную почву в пользу армянской проблемы.

В то время все казалось возможным. Под хмель военной победы державы Антанты подписывали вопиюще несправедливые договоры, последствия которых приходится расхлебывать Европе по сей день. Уничтожались державы или подвергались ампутации.

На смену им измышлялись новые фантастические образования, вроде “Понтийской республики” в Трапезунде, проектированной Венизелосом, видимо, вдохновленным рассказами Ксенофонта в “Анабазисе”.

Начался “крестовый” поход против Турции, возглавленный Ллойд Джорд-

*) По этому поводу см. в Обзоре печати заметку “Армянский вопрос”.

жем, под лозунгом: “вон турок из Европы”. Но туркам не оставалось места и в Азии, где потомки Тиграна Великого выступили с требованием семи турецких восточных вилайетов и Киликии, как армянского наследия.

Греки, с другой стороны, высадившись в Смирне, успели занять почти всю западную Анатолию.

Благоразумие г. г. Хатисовых испарилось. Забыты были “первые лобзания” в Батуме.

Трезвые мысли о добрососедстве с турецким народом, истекавшим кровью под водительством своего гениального вождя Ататюрка в неравной борьбе за место под солнцем — сменились игрой с далекими заморскими державами, приведшей на смотрины в Армению миссию ген. Харборда, от мнения которого зависело установление американского мандата над Великой Арменией. Визит этот кончился печально для последней.

Выводы ген. Харборда не совпали с данными армянской пропаганды. Оказалось, что “в проектированной Армении турки были в большинстве еще до насильственных выселений и останутся в большинстве, если даже вернуть обратно всех беженцев”. Кроме того наблюдательный американец констатировал, что “армянин не умеет ладить с соседями”.

Действительно, надо признать, что умение “ладить с соседями”, весьма важ-

ное качество в жизни — совершенно отсутствует в армянской дипломатии, или психологии.

Армяне не поладили с Турцией, не поладили с Грузией, не поладили с Азербайджаном, и наконец, протянули сочувственно руку ген. Деникину, через голову Северо-Кавказской республики, отстаивавшей Кавказскую независимость в войне с добровольческой армией.

Как известно из белой русской прессы того времени, армянская армия считалась частью добровольческой и значилась в ней под номером 7-ой дивизии. Без преувеличения можно сказать, что прямым последствием этих неладов, доходивших до абсурда на конференциях (Сен-Ремо, Тифлис) и до междоусобных войн на практике — был приход русских на Кавказ на сей раз в лице красной армии, легко расправившейся с разрозненными Кавказскими республиками.

Эпилог событий известен — 26 сентября 1921 г. заключен Карский договор, между Москвой и Анкарой, договорившимися о кавказских делах без участия национального Кавказа, уже смятого большевиками.

Далее, бесконечно томительная эмигрантская жизнь на чужбине и жестокий красный террор на родине. Но об этом периоде — в следующий раз.

(Продолжение следует).

А. Кантемир.

И. ГВАРАМАДЗЕ.

Из недавней истории Карсской области

В этом письме я хочу коснуться вопроса, каким образом попала Карсская область в управление армянам и как очутился Ардаганский округ в руках Грузии.

Думаю, что вспомнить политику правительств грузинских меньшевиков и армянских дашнаков в этой области — не будет лишено интереса для общества.

В 1918 году, когда кавказские народности объявили свою независимость, одновременно из Персии в Карсскую область проникло английское командование, которое взяло в свои руки управление округами Карсской области за исключением Ольтинского (этим округом правило Турецкое командование).

Ардаганский же округ в том же 1918 году был взят Главнокомандующим Грузинской Армии генералом Квинитадзе и закреплен за Грузией, но г-н Жордания, испугавшись требования англичан, приказал грузинскому командованию отступить от Ардагана. Вот как дорожило грузинской территорией марксистское правительство Жордания!

Англичане, как мы знаем, потом вошли в Артвин и Батумскую область. При содействии англичан турецкая интеллигенция Карсской области объявила эту область Республикой. Они создали свой парламент и составили правительство. Председателем парламента этой республики был доктор Асад-бей Гаджиев, он же Бай Есад Октай. В это правительство

не входил Сервер-бек Атабеги, который без ведома Карсского правительства руководил Ахалцихским восстанием.

Конечно, английское командование и Карсское правительство уверены были, что эта республика долго не просуществует, но целью правительства было сохранить эту область для обновленной Турции, которая в то время была настолько дезорганизована и обесилена, что ее власть и управление не достигали до окраин. Крохотная армянская республика, замкнутая в границах Эриванской губернии, зорко следила за Карсской областью, умоляя англичан передать эту область им. Когда англичане действительно, решили ее оставить и оккупировать Батумскую область, тогда Карсскую они сдали армянам. По иронии судьбы это случилось, когда во всей Карсской области армянина надо было искать со свечкой...

В 1917 и в начале 1918 г. г. в Карсской области армян было не мало.

В частности, в Ольтинском округе их было несколько тысяч. В начале 1918 года, когда Кавказский фронт оголился и был покинут русскими войсками, в Карсской области уже никого не было в роли покровителя армян. Своей судьбой они сами распоряжались. В это время я был начальником Ольтинского военного округа и неоднократно имел совещания с армянским духовенством и армянским комитетом партии Дашнак-

путюн в Ольти по поводу существующего тревожного положения. Я им предлагал, совместно с нами грузинами и русскими, застрявшими в этом округе, организовать эвакуацию. Как духовенство, так и партия Дашнаков в один голос протестовали не только из за эвакуации армян, но и грузинам и русским предлагали не трогаться с мест, уверяя нас, что через две-три недели в Карсскую область войдут англичане и всю полноту власти, не только тут, но и в Эрзерумском и Трапезундском вилайетах передадут им — армянам. Руководители армян думали подчинить несколько сот тысяч турок в этих вилайетах своей незначительной силе. Такая абсурдная, кичливая политика армян дала повод туркам очистить от них Карсскую область. Расправа была жестокая, но их спасителей англичан все еще не было видно.

Как выше я отметил, английское командование передало армянам Карсскую область уже с чисто турецким населением. В Карс армянское правительство перебросило внушительную силу войск. За войсками отправили администрацию с "маузеристами". В Карсе посадили губернатора, который правил опустошенным, почти безлюдным городом. Войсковые части они постепенно и осторожно вводили в главные центры области. Армянская администрация правила только там, где были их войсковые части.

Администрация эта оказалась настолько жестокой, что местное население в панике убегало от нея.

В Ардагане армяне располагали разными родами оружия, численностью до 1000 штыков. Несмотря на такую силу,

они могли править только южной частью округа.

Ардаган расположен на обоих берегах реки Куры, которая делит пополам как город, так и весь Ардаганский округ.

Население северной части округа было оторвано от армянской администрации и управлялось своими главариами во главе которых стоял вышеупомянутый доктор Асад-бей Гаджиев, который своими партизанами в страх и трепет приводил армян.

"Мудрый" губернатор Карсской области назначил начальником Ардаганского округа полковника Кадымова, который на своем посту оказался еще мудрее Карсского губернатора; все административные должности в округе он продавал местным богачам за крупную сумму денег. Само собою разумеется, что такие администраторы, так дорого заплатившие за свои должности, старались, не щадя бедное население, в десять раз больше содрать и прикарманить. Во всех этих грабежах, безусловно, принимал участие и сам полковник Кадымов. Надо полагать, что в других округах области лучшего правления не могло быть. Однако сомнительно, чтобы обо всем этом знал Карсский губернатор г-н Корганов. Это один из многих печальных примеров армянского управления в Карсской области. На остальных примерах их "мудрого" управления я не буду останавливаться, так как не имею никакого желания выступать в роли обвинителя армянской администрации.

Вернемся к вопросу — каким образом попала в руки грузинского правительства Северная часть Ардагана, а потом и весь округ. Так как Ардаганский ок-

Грузинская же администрация заняла и южную часть Ардаганского округа. Гольский участок округа, с преобладающим курдским населением, являющийся главным препятствием для армянских властей, прислал своих почетных представителей с признанием грузинской власти в курдском районе, и они просили немедленно отправить в этот район грузинскую администрацию. Таким образом, в конце 1920 года Грузия владела Ардаганским округом полностью. Армяне потеряли южную часть округа в пользу Грузии. При такой потере они не сделали ни одного выстрела, не пожертвовали ни одним армянином.

Армяне потеряли и другие округа Карсской области, но уже в пользу Турции.

Бестактное и грубое управление армянской администрации дало повод и ускорило вторжение турецких войск в Карсскую область.

В боях с турками под Карсом армяне потерпели жестокое поражение и принесли много жертв. Турецкое командование заняло Карс. Потрепанные, дезорганизованные войска армян принуждены были отступить назад и вернуться в Эривань.

Армяне, стремясь создать Великую Армению на территории Турции, не могли удержать даже Карсскую область в своих руках. Надежды армян на помощь Англии в создании Великой Армении окончательно рухнули, и они принуждены были опять замкнуться в Эриванской республике.

Армяне потеряли Карсскую область в конце 1920 года, до падения независимости Кавказских республик, Грузия же

владела Ардаганским округом до 1921 года, т. е. до вторжения большевицкой России в Грузию.

Марксистское правительство Жордания перещеголяло правительство Армении в управлении своей страной.

Диллетантизм правительства Жордания нигде так явно не замечался, как в провинциях. Марксистское пр-во одним росчерком пера аннулировало старые законы и народные традиции, взамен же нового ничего не дало. Права и обязанности местной власти не были определены. Часто прямые свои обязанности они забывали и брались делать то, что совершенно не входило в их функции. Всякий действовал по своему усмотрению и желанию, — отсюда злоупотребления властью.

Поэтому в перифериях все перепуталось и эта пуганица породила в разных уголках Грузии вооруженные восстания против пр-ва. Важно отметить, что марксистское жорданиевское правительство во все уголки Грузии посылало только своих либо родственников, либо партийных; все ответственные посты были в руках соц. демократов.

Такая политика правительства колебала духовные устои народа, — оказалось, что в управлении страной принимали участие лишь люди привилегированной провинции. К счастью корни сознания национального единства были глубоки, и чувство недовольства, вызванное аномальной политикой марксистов не могло разрастись. Но тот факт, что в народе рождались такие чувства, был результатом политики правительства Жордания. Такая политика явно создавала антагонизм между провинция-

руг примыкает к Ахалцыхскому уезду, то жителей Ардагана всегда можно было встретить в Ахалцыхе группами. Здесь они главным образом покупали керосин, мыло и соль (Кагизманская и Ольгинская соль им малодоступны по дальности расстояния). На одну из таких групп — крестьян Ардаганского округа, отправившихся в Ахалцых за покупками, за Ханиорским перевалом в Ахалцыхском уезде напали и ограбили; отобрали лошадей и мулов, раздели до гола, перерезали всех и там же сожгли. Это варварство заставило доктора Гаджиева отправить джигитов в Ахалцых к полковнику Б.-беку Мачабели, чтобы он принял меры к розыску и аресту преступников. Не буду останавливать внимание читателя на том, кто совершил это преступление, и что выяснили Ахалцыхские власти по этому поводу.

Скажу лишь, что с этим несчастным случаем связана секретная поездка в северную часть Ардаганского округа двух членов Груз. Учредительного Собрания, секретаря соц. демокр. партии Ахалцыха и полковника Мачабели.

Миссия этой делегации, сверх ожидания, увенчалась полным успехом. Представители северн. части Ардаганского Округа пришли к соглашению с полк. Б.-беком Мачабели, что бы в этой части округа установить власть и управление Грузии с условием, что Груз. Пр-во им назначит начальником округа лицо, которому они доверяют. Сильное влияние Турции на местное население не мешало нам в течение трех лет достичь колоссальных успехов в управлении. У населения мы заслужили полное доверие и уважение и вообще престиж грузин-

ского управления был так высок, что с армянской части округа целые села снимались и переселялись в груз. часть, ради спасения. На это обстоятельство армянские власти закрывали глаза, тем более, что сами, боясь турецких четников и местных партизан, были в сущности блокированы в городе.

По поводу существовавшего положения я сделал доклад г-ну Н. Жордания, который в это время находился в Абастумане. Он, одобрив мой доклад и план моих действий, добавил: "твой план приведи в исполнение, и если армяне будут чинить препятствия, я им закрою Санаинский туннель".

По возвращении в Ардаган я попросил к себе полковника Кадымова и армянского н-ка гарнизона капит. Шахназарова и обещал им оказать содействие на случай эвакуации ими южной части Ардаганского округа. Такой случай долго не заставил себя ждать и через несколько дней после моей беседы с армянскими властями действительно на армянской стороне Ардагана поднялась паника. Городской мост через р. Куру и грузинский форт охранялся с левой стороны грузинскими часовыми, а с правой стороны армянский флаг и мост охранялись армянскими часовыми. По моему распоряжению грузинские часовые были сняты с моста и армянское население свободно было пропущено на грузинскую территорию, армянские же войска по сдаче оружия вместе с остальными беженцами на второй же день были отправлены по пограничным постам в Ахалкалаки, а оттуда в Александрополь. В тот же день местные турки побросали в р. Куру армянские нац. флаги. —

оказав жорданиевскому пр-ву ни малейшей военной помощи и, как мы знаем, по настоящий день Турция связана с советской Россией дружеским союзом.

3 мая 1920 года у Красного моста красная армия перешла в наступление. Благодаря тому же главнокомандующему генералу Квинитадзе, мост Пойли на реке Куре был взорван, большевские войска были отеснены на 15 верст от грузинской границы, и когда победу надо было считать за нами, в это время вся жорданиевская гвардия, ночью, без преследования со стороны противника, вдруг оставила позиции и на 20 верст отдалилась от врага. Несмотря на такую измену со стороны народно-гвардейцев,

генерал Квинитадзе рассчитывал с армией на дальнейшее преследование врага и очищение не только Грузии, но и всего Кавказа от большевиков.

В решающий момент спасения Грузии и всего Кавказа, г-н Жордания отдает сверхприказ главнокомандующему ген. Квинитадзе: "до особого распоряжения приостановить исполнение боевого приказа". С этого момента большевики были спасены, а Грузия и весь Кавказ были обречены на неминуемую гибель.

Вот, кто торговал оптом и в розницу грузинской территорией во имя Маркса.

Вот "патриотизм" Ноя Жордания!

Иосиф Гварамадзе.

ТАМБИЙ ЕЛЕКХОТИ.

Исторические задачи Кавказа

(Доклад прочитанный в Обществе изучения Кавказа в Париже, 9 июня 1938 г.)

(ОКОНЧАНИЕ)*).

В ПОНИМАНИИ проблемы независимости Кавказа нет единодушия в Кавказских политических кругах.

Под впечатлением прошлого и в частности — международных признаний, которые в разной степени были достигнуты в свое время Кавказскими республиками, в некоторых армянских и грузинских кругах крепко сидит еще чувство местного сепаратизма. Представители этого шовинистического течения

основывают свои суждения на исторических правах, Армении и Грузии, которые и мы отнюдь не отрицаем. К сожалению, считаться приходится не с историческими правами, а с реальным соотношением действующих сил.

Наша политическая установка и в этом отношении устраняет всякие сомнения. Мы исходим из того, что международное значение какой бы то ни было страны определяется ее географическими, этнографическими, демографическими, экономическими и даже социальными усло-

*). См. "Кавказ" № 6-54.

виями. Эти условия вместе взятые влияют на взаимоотношения ее с внешним миром. Принимая это во внимание, мы убеждены, что проблема независимости Кавказа может быть поставлена на разрешение международных сил, как целое и неделимое, непосредственно связанное с судьбой этой части света, иначе говоря, вопрос не в прекрасных глазах грузин, армян или горцев, а в том, что судьба Кавказа связана с одной стороны с большой русской проблемой, а с другой с ближне-восточной. В зависимости от действующих в этой части света сил и в результате грядущей борьбы сил мировых, проблема Кавказа, как мне кажется, найдет свое решение.

Ясно, что Кавказ в целом, как некий географический пункт, как фактор экономический и политический в мировом обороте, как стык, связывающий славянский мир со всем прочим миром Востока — пробуждает интерес, проявляемый к нам, и лишь на этой базе возможно найти союзников для Кавказа. К каждому из нас в отдельности, хотя мы очень симпатичны, но интереса нигде нет. В этом, я думаю, все вы убедились, как из своей практической деятельности, так и из истории нашей кратковременной независимости. Вот почему мы считаем политическую установку на местные сепаратизмы не только бессодержательной политически, но и опасной для дела Кавказа, и злонамеренной для Кавказского объединения.

* * *

Я подхожу теперь к тому злосчастному вопросу, который обсуждается в среде Кавказцев с особой горячностью. Где начинается Кавказ, и где он кончается?

Само собой разумеется, что Кавказ, как независимое конфедеративное государство, будет иметь свои границы. Некоторые из них более или менее установлены. С Запада и Востока наши границы естественны. Здесь нас омывают моря. Нет у нас срочного вопроса и о сев. границах. На нашем непосредственном Севере мы имеем соседей, хотя и не природных Кавказцев, но в значительной мере окавказившихся Кубанских казаков. Рядом с ними Донское казачество и на Западе от Дона — Украина. Казачество, бывшее оплотом Российского престола и великодержавия сумело сохранить от давних времен некоторую внутреннюю автономию. Жило Казачество всегда особым бытом. Была огромная разница в быте, в традициях, между казаком и русским мужиком. Для казака слово мужик или крестьянин были синонимами оскорбления. Кроме этого следует упомянуть и о том, что в казачестве, можно сказать, сохранилось очень мало славянского, в особенности русского. Веками они смешиваются с местными народами, с Кавказцами, Монголами и Украинцами. Все это сказалось и на поведении казачества в годы революции. Они оказались в оппозиции и к Деникину, и к большевикам. Казачество Дона и Кубани, почти одновременно с народами Кавказа, потребовало себе широкой автономии, а еще позже создало независимые правительства. Не въ пример Закавказью, правительство независимой Кубани без труда нашло язык с горским правительством. Эти дружеские отношения привели к заключению договора дружбы между нашими странами. Недавнее прошлое Доно-Кубанского Казачества позволяет смотреть на будущее

с надеждой, что Казачество для завоевания своих свобод пойдет с нами. Правда, международное значение Дона не так велико, так как он не имеет непосредственного соприкосновения с внешним миром. Мало о них знают и иностранцы, смешивая их с русским крестьянством. Дон является, как бы внутренней областью на русской равнине. Однако, непосредственное его соседство с Кубанью и Кавказом с одной стороны, и с Украиной с другой, делают проблему независимости Дона совершенно реальной, в особенности, если принять во внимание, что Дон, до захвата его большевиками, имел уже свои государственные учреждения и основные законы. Это значительное прошлое оставило в Донских казаках большую традицию, и потому идею независимости Дона я не только не считаю искусственной, но наоборот — имеющей в народе глубокие корни. По сколько казачество не будет увлечено фантастическими планами, со здоровой его частью нам будет полезно и даже необходимо найти общий язык и тесное сотрудничество.

Что касается Украины, то о ней много распространяться не приходится. Это — большой многомиллионный народ, культурный, с богатыми экономическими возможностями. Нет сегодня в Европе такой державы, которой было бы по силам долго удерживать под своей властью такой многомиллионный народ, как Украина. При первой же встряске можно ждать отделения Украины от России. Эти два фактора, Казачий и Украинский, должны нами учитываться.

* * *

Более внимательно я хочу остано-

вить на проблеме наших южных границ. Не взирая на то, что наши южные границы установлены договорами, вопрос этот вызывает в некоторых наших кругах большое возбуждение. Доходит до того, что некоторые из нас, не стесняясь словами, прибегают в своем споре с нами к чисто большевицким приемам и к большевицкому жаргону, чтобы облить грязью почтеннейших представителей нашей эмиграции, и делается это с такой энергией, как будто бы только они сами имеют патент на патриотизм. Видно, что даже среди нас, покинувших родину в первые годы революции, есть элементы успевшие основательно разложиться. Что же тогда делается у нас на родине, когда там разлагают наши народы в государственном масштабе и в ударном порядке?

Вопрос о наших границах на Юге заслуживает исключительного внимания, и обсуждать его нужно спокойно, без попыток разрешить его уличной бранью. Нам говорят, мы не можем протянуть руку Югу, так как он нас обидел, отхватив хороший кусок нашей территории; при этом забывают, что Кавказской конфедерации, как нет и теперь, не было и тогда. От ее имени никто никаких переговоров и договоров с Турцией не вел и не заключал. Мнения Кавказа никто не спрашивал, — выступали, как известно, отдельные части Кавказа, что, конечно, не одно и то же. Казалось бы, что надо сперва стать на ноги, чтобы можно было говорить с кем угодно. И если это случилось бы так, кто знает, может быть и судьба Кавказа, и границы Кавказа сложились бы иначе.

Мы определенно находимся не под турецким игом, а под московским. Осво-

бодиться тоже хотим от московского ига, — таково фактическое положение. Но отсюда никто не имеет права делать вывода, что в какой бы то ни было мере мы желаем подчинения Кавказа Турции. Наше требование о независимости одинаково обращается как к Северу, так и к Югу. Нам на это отвечают: — Да, мы хотим независимости, заняв одинаковую позицию как по отношению к России, так и по отношению к Турции, т. е. позицию вражды к обоим соседям, а теперь после особой интерпретации Саадабадского пакта, очевидно, такую же позицию вражды и к Ирану.

Сегодня Турция живет со всеми своими соседями, с одними вполне добрососедски, а с другими в союзнических отношениях. Таковы ее отношения с Грецией, Сербией, Румынией, и с другой стороны — с Ираком, Афганистаном и Ираном, и даже с Советами.

Почему мы непременно должны думать, что отношения Турции к будущему Кавказу будут враждебны, как это некоторым мерещится, — мне непонятно. Говорят, что в прошлом Турция много бед сделала Грузии, но разве она меньше разоряла Грецию, Болгарию, Румынию и Сербию. А сколько времени эти страны находились под игом Османов! Где же те логические основания, чтобы, наперед, не имея еще Кавказской Конфедерации, объявить врагом Юг?

Разве Греция, Сербия и Румыния не такие же христианские страны, как Грузия и Армения, и историческое прошлое, как вам известно, дает им достаточно оснований враждовать с Турцией. Эти страны действительно, могли бы представить Турции очень внушительный счет на протяжении веков. Пример до-

стойный внимания, тем более они и порознь, а вместе и подавно, могли бы причинить Турции много неприятностей. Эти страны — независимые государства, имеют армии, имеют дипломатию, имеют международные связи, участвуют в европейском концерте держав — следовательно, возможностей интриговать против Турции у них больше чем достаточно, и тем не менее, вместо вражды, они избрали союзническую совместную жизнь с Турцией. Мы же без родины, что называется, без кола — без двора, сидя в Париже, хотим стать на непримиримую позицию к нашему вековечному южному соседу, которого нам не дано заменить другим, и это называется реальной политикой, в борьбе за освобождение нашей родины.

Политическое течение, к которому я принадлежу, такую позицию по отношению к Югу решительно отвергает. Эта политическая установка диктуется нам тем фактическим положением Кавказа, что в лице русского империализма вообще, и в особенности красного, мы имеем исторического врага. А при нынешнем положении на нашей Родине, когда вопрос стоит о спасении наших матерей, сестер и народов от неминуемой гибели, от физического истребления, все эти разговоры и слезы об Ардагане не делают чести для нас. Мы, так же как и вы, с болью в сердце переживаем известия получаемые оттуда, а известия, которые получаем и мы, и все, единодушны: "Союз хоть с чортом, но надо спасать, если можно, и пока не поздно". Добавлю, что эти слова принадлежат армянину, спасшемуся из числа тех 10.000 армян, которые отсюда были отправлены на Кавказ.

Исходя из совершенно реальной угрозы физическому существованию наших народов, и только лишь со стороны Севера, мы пришли к сознанию железной необходимости искать для Кавказа, в борьбе с этим чудовищным врагом, союзников всюду, где может быть услышан наш голос. Поэтому мы ищем, и не совсем безрезультатно, друзей и союзников и на Западе, и на Востоке, и на Юге, и даже на Севере, но конечно, не на русском Севере.

Эта политическая установка, по нашему крайнему разумению, есть повелительный призыв, призыв срочный, идущий с Кавказа, для спасения наших народов от той смертельной опасности, которую представляет Россия.

Армянская вражда к Турции — по человечески понятна каждому. Она имеет свою давнюю историю. Было бы поэтому трудно делать упреки по адресу армян, но будучи уверенным в том, что и армянам, рано или поздно, придется последовать примеру других соседей Турции, я высказываю пожелание, чтобы сдвиг в сторону мира произошел возможно скорее. В нынешней армянской позиции я не вижу ничего хорошего ни для армян, ни для всего Кавказа. Но если бы к такой позиции армян присоединилась бы еще какая-нибудь часть Кавказа — это было бы весьма и весьма печально, ибо: — при таком отношении, с какой стати Турция стала бы содействовать или даже сочувствовать нашей независимости, если от этого независимого Кавказа ее ждут только осложнения. Встанут и пограничные споры, встанет вопрос о каком-нибудь новом морском соглашении, встанет и много других тяжелых и неприятных вопро-

сов. Ведь в настоящее время все эти вопросы прочно разрешены между Турцией и Советами.

Это положение представляется нам настолько очевидным, что мы, ставя себе цель реально послужить для спасения Кавказа, пришли к сознанию другой необходимости — об искреннем признании существующих и не нами установленных Южных и Юго-Восточных границ. При таком подходе к нашим основным задачам, мы стремимся убедить Турцию в том, что политическая дружба с Россией активного империализма не естественна, и будущее Турции не гарантировано. Лишь Кавказ, сильный, как буферное государство, — единственная гарантия спокойного развития турецкого гения и процветания турецких национальных ресурсов. Задача эта нелегкая. Но мы ее себе поставили. И мы уверены, что разрешение этой задачи совсем не безнадежно. Здесь нас запугивали Саадабадским пактом. Ссылались на свои «авторитетные» источники информации и интерпретировали этот пакт, как акт враждебный Кавказу. Мы имеем по этому поводу тоже некоторую информацию, опровергающую то толкование, которое было здесь дано Саадабадскому пакту. Наоборот, по полученным нами сведениям, Саадабадский пакт гарантирует существующее территориальное статус-кво на нашей Южной и Юго-Восточной границах. Это обстоятельство еще более убеждает нас в необходимости искать сближения и с Турцией, и с Ираном. Нужно помнить, что враг наш силен и страшен. Страшен не тем, что оккупировал нашу страну, а тем, что ведет наши народы к неминуемой гибели. Еще немного времени, и Кавказ будет неуз-

наваем. Ни у кого из вас не будет охоты возвратиться в разложившуюся страну. И когда подумаете о такой близкой и ужасной перспективе — что значат те, якобы, несправедливости, пограничного размежевания, допущенные не нами? Вы сами согласитесь, что Ардаганский вопрос, по сравнению с теми задачами, которые перед нами стоят, — ничто.

Мы будем добиваться убедить Турцию и Иран, что Кавказ, как буферное государство, есть гарантия их собственного бытия. Эта позиция вполне защитимая. Кавказ вполне отвечает значению буфера. Самое название буфера показывает, что буферное государство служит для амортизации возможного удара двух сильных своим динамизмом стран, и является таким образом фактором сохранения равновесия. Само собой разумеется, что буферное государство, чтобы выполнить эту основную функцию, должно жить своей абсолютно независимой жизнью и быть способным выдержать хотя бы на более или менее продолжительное время натиск с какой либо стороны. Это — необходимое условие для буферного государства, так как, если бы оно было слишком слабым, его рано или поздно поглотит один из соседей. Исходя из этого понятия, мы непоколебимо стоим на позиции интегральной Кавказской государственности, на основе Конфедерации, и относимся непримиримо отрицательно ко всякого рода ущельным сеператизмам, будет ли это особо армянский, грузинский, азербейджанский, или горский.

Насколько было в моих силах, в рамках настоящего доклада, я хотел нарисовать перед вами картину равнующихся в мире событий. Политическое тече-

ние, к которому я имею честь принадлежать, определило по отношению к этим событиям свою позицию, наметило свой путь и свои задачи. В наших политических установках нет недоговоренности: мы идем в фарватере тех международных сил, от которых можно ждать поражения Москвы и спасения нашей родины.

Позиция некоторых армянских кругов, мнение которых отражают газеты "Пайкар" и "Апага", тоже совершенно ясна. Эти газеты прямо заявляют, что каковы бы не были комбинации держав, по их уверениям — армяне, при всех обстоятельствах, будут биться против Турции, а так как они уверены, что Турция в грядущих бурях непременно окажется против Советов, то эти круги уже теперь выступают горячими защитниками Советов. Менее ясна позиция других армян, а именно, будут ли они при всех обстоятельствах, против Советов, или их позиция тоже определится в зависимости от позиции Турции в мировых событиях. Газеты "Арач" и "Усабер", мнение которых было бы очень интересно, на этот кардинальной важности вопрос ясного ответа еще не дали.

Но какова бы не была позиция американских и европейских армян, мы глубоко уверены, что советофильствующие настроения некоторых армянских эмигрантов далеко не соответствует воле армянского народа, стонущего там под советским игом.

Мы убеждены, что этот народ, когда настанет час "последнего решительного боя", будет вместе с другими кавказскими народами, и мы не теряем надежды, что армянские политические круги учтут реальную обстановку, подлинные

настроения армянского народа и сумеют своевременно направить освободительное движение армянского народа в общекавказском русле.

Нет в этом основном вопросе нашей практической политики необходимой ясности и среди некоторых грузин. Между тем, наши споры не могут привести нас

к одному знаменателю, покуда не будет полной ясности в понимании того, чего мы хотим, и чего добиваемся.

Настоящий доклад ставил своей целью внести полную ясность хотя бы в позициях той группы кавказских деятелей, к которой я принадлежу.

Тамбий Елекхоти.

Обзор печати

АРМЯНСКИЙ ВОПРОС.

Под таким заглавием стамбульская газета в 1918 году 9 июня, после распада закавказского сейма и заключения Батумского договора между Оттоманским правительством и Арменией, поместила статью и декларацию представителя армянского правительства Хатисова.

В статье, между прочим, подписанной Юнус Нади, нынешним редактором газ. "Джумхуриет" мы находим следующие абзацы:

«Известно, что выступавшее против нас закавказское правительство распалось на три правительства, из коих одно принадлежит армянам. Таким образом, давнишние армянские стремления, благодаря событиям на Кавказе, неожиданно воплотились в жизнь. Необходимо отметить, что первым правительством, признавшим образование Армении на Кавказе, было оттоманское правительство. Если бы последнее не хотело армянского правительства, то оно не возникло бы в этой форме. Эту истину подтвердил от имени только что вступившей в жизнь Армянской республи-

ки с признательностью по адресу оттоманского правительства армянский делегат Хатисов, на конференции мира с кавказцами в Батуме. Чтобы оценить заявление Хатисова по армянскому вопросу, вообще надо знать, что самый важный и настоящий центр, руководивший одновременно вопросом турецких армян, находился на Кавказе. Все интриги и разрушительная работа в Турции заготовлялись на Кавказе. Конституция эту истину приводим ниже декларацию Хатисова, который сказал следующее:

«В борьбе армян с Турцией, основательная она или ошибочная, безразлично, сегодня напрасно искать угнетателей и угнетенных. Надо без обиняков признать, что эта борьба нами, армянами, велась во имя определенной идеи. Всякая борьба предполагает две стороны. В армянском вопросе в борьбе мы были стороной, начинавшей, возбуждавшей, и это тянулось долгие годы, во имя достижения нашей идеи. Мы пользовались в работе не только своими средствами, но и средствами государств, от которых ожидали помощи, становясь их орудием. Одним словом, для ослабления Турции мы прибегли ко всем доступным нам средствам.

В этом смысле последняя война была последним козырем, последней партией. Мы дрались в ней со всей энергией. Разумеет-

сл, невозможно даже вообразить, чтобы Турция оставалась безразличной со сложенными руками, в то время, когда мы посягали на ее жизнь. Самооборона подвергшегося нападению — вполне естественное явление. В этом смысле раньше всего мы знали и ожидали, что Турция для своей защиты прибегнет к встречным репрессивным мерам, весьма даже твердым.

Вот, в этом суть армянской борьбы и армянского вопроса. Теперь, когда все кончилось, мы, как честные и благородные люди, должны признать, что проиграна и последняя ставка, в которой мы употребили всю нашу силу и энергию. Наше положение с маленькой разницей похоже на положение побежденного. Разница же в том, что мы до сих пор не имели национального и политического лица.

Мы увлекались мечтой обоснования нашей национальной жизни в широких пределах. Сегодня эти мечтания, в части, касающейся Турции, получили свое вечное решение в проведенной пограничной линии. Отныне не может быть и речи об Армении, воображаемой нами на турецкой территории. Турецкие земли принадлежат туркам. Мы отказываемся категорически и навеки от своих притязаний в этом направлении. Судьба, наконец, повелевает нам обосновать свое политическое бытие на Кавказе. При чем, нельзя скрывать истины, что и в этом мы признательны великодушью Турции. На сем заканчивается армянский вопрос, в котором, вновь повторяю, нет насильников и насилуемых. В этом вопросе Турция ни к чему, кроме мер самозащиты не прибегла и, следовательно, нет места никаким наветам на нее. Кончилась, наконец, армяно - турецкая вражда, она канула в историю».

Газета, высказываясь по поводу этой декларации выражает сожаление, что наряду с таким заявлением ответственного представителя Армении в Швейцарии и вообще в Европе, пред общественным мнением и державами Согласия, ведется злостная пропаганда, оскорбляющая достоинство Турции, обвинениями в зверствах и избиениях, в то время как действия ар-

мянских четников, действительно, возмутительны, и высказывает мысль о необходимости привлечения для расследования всего вопроса «безпристрастной анкетной комиссии из представителей нейтральных держав, которая пусть придет, посмотрит и скажет правду, чтобы исчерпать этот вопрос».

Как известно, немного времени спустя после этого, по другим соображениям и не по приглашению турок, проехалась по Анатолии и Кавказу Американская миссия ген. Харборда, которая на месте изучила армяно-турецкие отношения и засвидетельствовала правду не в пользу армян, «неумеющих ладить с соседями».

Что думает по поводу всего этого г. Хатисовъ-Хатисянъ теперь? Если только он еще интересуется национальными вопросами...

ЗНАЧЕНИЕ АНГЛО-ТУРЕЦКОЙ ДРУЖБЫ

Лондонская газета «Обсервер», касаясь вопроса о кредитах, открытых Англией турецкому правительству, между прочим, пишет следующее:

«Кредит обеспечит английской торговле большие выгоды, но его политическое значение гораздо больше. Англо-турецкая дружба и сотрудничество столь важны, что могут оказать чувствительное влияние в больших европейских вопросах. Эта дружба может предупредить войну и, наконец, в случае войны, может дать колоссальные результаты. Положение Турции на Среднем Востоке дает этому государству статус великой державы».

ХАЛИФАТ В ЕГИПТЕ.

Выходящий в Лондоне под названием «Великобритания и Восток» политический журнал, помещает статью о Халифате, которая достойна внимания.

Излагая историю Халифата, упраздненного Большим Национальным Собранием Турции и отмечая почти равнодушное отношение к титулу Халифа, если не

считать попытки эмира Мекки Шерифа Хусейна, одно время пользовавшегося титулом Халифа, автор далее, анализируя недавно начавшееся в Египте новое движение в пользу восстановления Халифата, между прочим, говорит следующее:

«В последнее время в Египте на ряду с возгласами «Да здравствует король Фарук!», приходится слышать: «Да здравствует Халиф мусульман!». Интересно, претендует ли Египет в этом направлении на лидерство в мусульманском мире? Ректор известного мусульманского богословского университета в Каире шейх Мюраги как будто высказывается в этом смысле. Но надо признать, что хотя традиции Ислама говорят об едином Халифе, сегодняшние условия политики не оставляют для этого возможности и почвы. Конечно, идея исламского единения не забыта и не может ускользнуть от наблюдения то обстоятельство, что независимые мусульманские государства стараются охранить и увеличить силы своих слабых собратьев.

Новая Турция в этом отношении является примером Но Турция, укрепляя свои отношения с такими независимыми мусульманскими государствами, как Ирак, Иран и Афганистан одновременно установила дружественные отношения с христианскими государствами. Обязанности, возложенные Исламом на Халифа, всемирного порядка. Халифат не имеет никаких обязанностей духовного характера потому что в мусульманстве нет духовенства, и Халиф не может изобретать религиозных догм, как не может прощать и грехов.

Нынешнее время не дает больше возможности религиозным войнам. Священные войны и крестовые походы не находят больше политической опоры.

Во таком случае, что означает движение в Египте в пользу Халифата?

Мусульмане, прекрасно прожил и без Халифа, религия продолжала свое движение вперед и вместе с тем показала, что Халифат просто отживший, устаревший институт».

В ТОГЕ НАЦИОНАЛИСТА

В первой июльской книжке «Меркюр де Франс», в статье г. Эдуарда Краковского: Восстание национальностей в России в 1905 г., — кое что касается и Кавказа. В частности, об отношениях Польши и Грузии автору, по его словам, удалось получить сведения — воспоминания, документы — от Е. Гегечкори. Неудивительно, поэтому, что много внимания уделено в статье Грузии. В исторической справке о последней явные неточности. Об'единение Грузии отнесено, например, к 15-му столетию, т. е. как раз веку ее окончательного «раз'единения». Но это ничего. Удивительнее, что по мнению автора

«в течение года, в течение всего 1905 г., Грузия и Кавказ завоевали и сохраняли независимость силою оружия, прогнав наместника с регулярною армией и обнаружив исключительную храбрость» (стр. 21).

Слегка преувеличено, не правда ли?

В статье приведены, со слов Гегечкори, данные о совещании революционеров в Москве, в конце ноября 1904 г., совещании, в котором присутствовал и Пилсудский, под именем путника-Виятора. Выступали «делегаты» Украины, Финляндии.. От Грузии — Гегечкори. В своем докладе он говорил, сколько там у революции может оказаться солдат, о благоприятных и неблагоприятных для нее условиях — обо всем с большой точностью. Это вызвало тогда особый разговор между Пилсудским и Гегечкори. Диалог двух патриотов — польского и грузинского. (Здесь значительно позднейший грим б. министра иностр. дел Грузии, грим грузинского патриота, отнесен к временам более отдаленным,

временам принадлежности к российской социал-демократической партии).

Будучи членом 3-ей Госуд. Думы Е. Г. как то голосовал, вместе с другими, против требования поляков, чтобы в Польше судьи назначались из поляков-католиков. Зато в 1919 г. этот промах был с лихвою исправлен. Гегечкори сделался министром иностранных дел у себя на родине, и Грузия тогда отправила свое официальное представительство первым делом, будто бы, именно в Варшаву, а Польша послала в Тифлис Титуса Филипович, хлопотавшего вместе с Пилсудским в интересах Польши в Токио, в 1905 г.

В 1926 г. разговор Гегечкори с Пил-

судским. Последний справлялся об участии Родичева, которого любил за одну речь его, с похвалой полякам. И к Гегечкори отнесся с ласковым вниманием. Это дает повод Краковскому коснуться душевных качеств польского героя и диктатора. Одновременно, патриотом-сепаратистом - националистом с юношеских лет оказывается и Е. Гегечкори. Куда, однако, спрятался его "меньшевизм"? И что было в конце концов, "тактикой", а что — "стратегией"?

Ловкая, надо признаться, чистая работа! Ничего не поделаешь: "очковитительство" надежный путь... к "пенко-снимательству".

Х Р О Н И К А

ИТОГИ «ВЫБОРОВ» В ГРУЗИИ И В АРМЕНИИ.

Московская пресса — не говоря уже о Закавказской — поет «победу сталинского блока коммунистов с беспартийными». И как ей не петь: в Грузии, из общего числа 1.898.041 избирателей, голосовало 1.883.608, что составляет не больше не меньше 99,2%; из этого числа 1.876.391 голосов были поданы за «сталинский лист», что составляет 99,9%!

При таком положении вещей, остается пожалеть тех 21.650 граждан и гражданок, которые «саботировав» так или иначе сталинские выборы, будут выслезены славными «сосовскими» ребятами на предмет «выкорчевания».

В Аджарии — повествуется далее — из общего количества 107.662 избирателей, голосовало 107.072 (99,5%), при чем за «сталинский блок» было подано 106.494 голоса.

В Абхазии 155.060 из 156.496 (99%) избирателей подошли к урнам, чтобы дать 154.161 (99,4%) голос за тот же правительственный список.

В Армении голосовало 605.907 избирателей из 611.649 (99,6%), при чем за «сталинский» голосовало 603.469 избирателей (99,6%) — «неувязка» в 8.180 голосов.

Разумеется, первым депутатом в обоих республиках избран «сам» — великий Сталин, а вторым — его правая рука Молотов. В Армении третьим избран Микоян, каковое обстоятельство, при известном желании, можно интерпретировать, как удовлетворение Москвой национальных аспираций кавказских народов: Сталин, Микоян — все же ведь «кавказские человеки».

МОНГОЛЬСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ И ГПУ

Из Синкига — столицы Манджуко — сообщают, что в советской Монголии растреля-

ны командующие 12-ти военных округов, а также начальники всех монгольских дивизий, коих одиннадцать. Расстреляно также много влиятельных членов Ламаитского духовенства. Подтверждается сообщение, что на территории Внешней Монголии в данное время расположено три советских дивизии регулярной пехоты и три моторизованных бригады.

ТУРЕЦКО-ГЕРМАНСКОЕ СОГЛАШЕНИЕ

По поводу поездки турецкой делегации во главе с Менеменджи оглу в Берлин с целью возобновления коммерческого соглашения между Турцией и Германией, специальный корреспондент Анатолийского агентства сообщает 8 июля:

Вчера в Сонненберге в окрестности Берлина мин. ин. д. фон Рибентроп пригласил на завтрак Менеменджи оглу и задержав его до позднего вечернего часа имел с ним искреннюю беседу.

Тов. министра ин. дел Турции Менеменджи оглу, в сопровождении турецкого посла, был принят также министром экономики Рейха М. Функом.

Согласно официальному коммюнике беседы велись вокруг расширения турецко-германских экономических отношений и их практического осуществления. В заключении Менеменджи оглу в сопровождении турецкого посла был принят главой государства А. Хитлером, — при этом приеме и проводах ему были оказаны воинские почести.

АНГЛО-ТУРЕЦКИЕ ОТНОШЕНИЯ И БЕРЛИН

Согласно сообщениям из Лондона, ответственные лондонские круги опровергают сведения и позицию германской прессы в отношении англо-турецкого кредитного соглашения (о 16-ти мил. ст.) утверждая, что упомянутое соглашение ни в коем случае не парализует германской коммерции в Турции. При чем, в подтверждение сказанной мысли делается ссылка на турецко-германские переговоры в Берлине и прием фюрером Хитлером турецкой делегации во главе с Менеменджи оглу.

СОПРОТИВЛЕНИЕ НА КАВКАЗЕ.

Как известно, советская власть старается развить чайную культуру в Закавказье и желая осуществить это в ударном порядке, увеличила площадь, отводимую под чайные плантации с 34.000 гектаров 1934 г., до 120 тысяч гектаров в этом году.

Расширение площади чайных плантаций натолкнулось на препятствия политического характера.

В то время, как в гористых местах население страдает от недостатка плодородной земли, чайная культура отнимает площади, отводившиеся прежде под посев пшеницы и других злаков.

Вследствие этого часто возникают восстания местного характера, приводящие к серьезным столкновениям между населением и советскими силами.

Кавказцы считают чайное дело разорительным, лишаящим их собственного хлеба.

ПОКУШЕНИЕ НА СОВЕТСКИЙ ПОЕЗД НА УКРАИНЕ

Из Киева сообщают, что на ст. Конотоп недавно совершено нападение на советский поезд, везший солдат, оружие и артиллерийское снаряжение. Поезд был взорван и двадцать два вагона оказались отброшенными в совершенно разрушенном виде далеко в сторону от линии.

Убито двести красноармейцев и ранено свыше 150-ти. Дорога разрушена на протяжении 250 метров.

ДЕЛЕГАТ КОМИНТЕРНА В ПРАВИТЕЛЬСТВЕ ЧАН КАЙ ШЕКА

По сообщениям из Шанхая, в недавно созданном Чан Кай Шеком Национально-политическом совете заседает шесть коммунистических руководителей, среди коих находится также член Центрального Исполнительного Комитета Коминтерна Ванг-Мин. Включение в китайский совет коммунистов является следствием недавнего визита в Москву Сун-Фо. Переговоры сов. правительства с последним касались не только доставки оружия и амуниции китайской армии, но и вопроса о подчинении Китая политическому влиянию Сов. Союза.

Назначение выдающегося члена президиума Коминтерна в китайский народный совет является следствием заключенного в Москве соглашения, обязывающего китайское правительство допускать к занятию высоких постов членов Коминтерна.

СТАЛИН ПРЕДАТЕЛЬ ГРУЗИИ.

Недавно украдено с письменного стола ген. секр. Грузинской коммунистической партии Берия большое количество документов, имеющих важное политическое значение. Среди этих документов находится стенографический отчет тайного заседания суда, имевшего место в июле 1937 г. по делу группы грузинских революционеров, во главе с Будой Мдивани, обвинявшего Сталина в предательстве Грузии.

Б. Мдивани произнес в суде речь, обвиняя Сталина в том, что в феврале 1937 г. он приказал отравить Орджоникидзе, бывшего в то время комиссаром тяжелой индустрии и членом политбюро.

В связи с сенсационной кражей документов ГПУ, по приказанию Ежова, произведены аресты и высланы сотни грузин в Сибирь.

СОВЕТСКАЯ ПРИЗНАТЕЛЬНОСТЬ ДЕМОКРАТИЧЕСКИМ ДЕРЖАВАМ.

На 14-ом конгрессе украинской коммунистической партии в Киеве командир Киевского военного округа генерал Тимошенко произнес речь, призывающую солдат иностранных армий к массовому дезертирству.

Одновременно он обратился к офицерам демократических государств (очевидно, на «тоталитарных» не рассчитывает) с предложением уходить в отставку, дабы таким способом ускорить всемирный развал.

СОВ. ПРИГОТОВЛЕНИЯ К ВОЙНЕ.

В окрестностях Ленинграда возводятся ускоренным темпом фортификационные работы. Из целого ряда местностей выселено поголовно все население.

В самом Ленинграде запрещено жителям выезжать на дачи в окрестности.

Число выселенных жителей из Ленинграда и его окрестностей в течение последних 6-ти месяцев составляет 350 тыс. человек. Целью этих массовых выселений является очищение укрупленного района и Ленинграда от так называемых неблагонадежных элементов.

СОВЕТЫ В КИТАЕ.

В Москве недавно подписано соглашение между сов. правительством и представителем Чан Кай Шека, согласно которому советскому правительству предоставлено право соорудить в Зап. Китае мощную радио-станцию. Советские инженеры и техники в скором времени выедут в Китай на постройку новой станции.

Впредь же до окончания постройки советское радио будет вести на китайском языке коммунистическую и анти-японскую пропаганду.

БУДЕННЫЙ В ОПАЛЕ

Как сообщают из Москвы, Буденный с каждым днем все теряет в своем значении.

Недавно удален из Военного Совета Московского военного округа и видимо арестован политический комиссар дивизии Запорожец — правая рука Буденного — начальника Московского военного округа.

Маршал Буденный давно уж не появляется на официальных приемах. Вместе с тем, в советских учреждениях всюду сняты портреты «первого кавалериста СССР». В Москве распространились слухи, что маршал Буденный находится под домашним арестом.

ОТ РЕДАКЦИИ:

Ближайшие очередные номера издания журнала «Кавказ» — грузинского, французского, русского — выйдут в увеличенном размере, сразу за два месяца — август и сентябрь — в течение сентября.